

Ломакин Ю А

Владимир Орловский. К истории русской живописи

12+

Юрий Ломакин

**Владимир Орловский. К
истории русской живописи**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ломакин Ю. А.

Владимир Орловский. К истории русской живописи /
Ю. А. Ломакин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга посвящена творчеству русского художника-пейзажиста Владимира Донатовича Орловского (1842-1914). При написании книги были использованы ранее не публиковавшиеся архивные материалы и литература второй половины XIX- начала XX века. Может быть интересна как специалистам, так и любителям русского искусства.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая.	6
Глава вторая	25
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Предисловие

Владимир Донатович Орловский (1842-1914) – русский художник-пейзажист, выпускник Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств, пользовался широкой известностью в 1870- 1890-х годах. В дальнейшем его творчество было несколько забыто, как и многих других художников так называемого академического направления. Пейзажное наследие Орловского не изучено в значительной своей части, и до сих пор мало известно, а существующая литература стала библиографической редкостью. В отличие от современников и единомышленников деятельность которых получила достаточно полное освещение в литературе, творчество В.Д. Орловского не привлекло еще к себе пристального внимания историков искусства. Представленные ниже материалы о жизни и творчестве В.Д. Орловского, других художников, связанных как с Академией Художеств, так и с независимыми творческими объединениями, могут представлять интерес как для любителей истории искусства, так и для специалистов.

Глава первая.

Владимир Донатович Орловский родился в 1842 году в семье помещика Киевской губернии. Поступив в 1855-м году во 2-ю киевскую гимназию, «...он обратил внимание учителя рисования Н.М. Сошенко на свое дарование. При таком опытном руководителе, Орловский вскоре оказал быстрые успехи в рисовании ... бывший в то время директором 2-й киевской гимназии М.К. Чалый убедил отца, что и в искусстве можно сделать почтенную карьеру. И Орловский отправился в Петербург с рекомендательными письмами от Сошенка и Чалаго к Т.Г. Шевченке». [1]

В рекомендательном письме от 16 октября 1860 года к Т.Г. Шевченко, который жил тогда в Академии художеств, М.К. Чалый писал: «Рекомендую Вам, уважаемый Тарас Григорьевич, будущего деятеля на поприще русского искусства. Желая посвятить всего себя исключительно одной живописи, Орловский, оставив гимназическую нашу премудрость, намерен поступить в Академию художеств. Судя по его работам за последние два года под руководством нашего общего друга И.М. Сошенко и по той страсти, с какою он предавался любимым занятиям, можно надеяться, что из него со временем выйдет замечательный художник. Соха (так называли в кругу друзей И.М. Сошенко) присоединяет и свою просьбу к моей. Примите же, дорогой земляк, этого симпатичного юношу под свое покровительство, укажите ему дорогу, по которой он должен идти». [2, с.44]

Орловский пропустил срок приемных экзаменов, и по совету Т.Г. Шевченко поступил в рисовальную школу. «За несколько дней до кончины Тарас Григорьевич дал Орловскому письмо к г. Львову- тогдашнему конференц-секретарю Академии художеств. С письмом Орловский принес г. Львову и свои рисунки. Конференц-секретарь нашел их хорошими и, не в пример прочим, зачислил в 1861 году молодого художника в Академию». [3, с.2]

Сведения о начале творческой биографии Орловского содержит его личное дело в архивных документах Академии Художеств.

О гимназии: «№ 1879. Дано за надлежащею подписью и с приложением казенной печати ученику четвертаго класса Киевской 2- или губернской гимназии Владимиру Орловскому в том, что он поступил в сию гимназию 12 августа 1855 года и находился в ней по 12 сентября 1860 года, ныне же, согласно вступившей просьбе уволен. <...> 13 сентября 1860 года, г.Киев. Директор Киевской 2-й гимназии училищ Киевской губернии Статский Советник и Кавалер М.К. Чалый». [4, с.1]

Судя по справкам из личного дела, учеба Владимира Орловского в Академии Художеств шла успешно: «Свидетельство от 18 октября 1864 года №216. Когда ученик Владимир Орловский получил медали, какия именно и за что. Ученик по новому Уставу Владимир Орловский имеет медали: 22 декабря 1862г. 2-я сер. Медаль- за пейзаж. 21 (декабря) 1863. 1-я (медаль за пейзаж). Рисует с гипсовых фигур. В 1864г. получил за рисунки №№ 10, 41 и 36. По наукам состоит в 1-м Отделении». [5]

Вскоре после поступления Владимира Орловского в Академию, материальное благосостояние его семьи, как и многих других помещичьих семей, пошатнулось. Видимо, это было связано с последствиями реформ Императора Александра II-го, прежде всего освобождения крестьян от крепостной зависимости.

С 1862-го по 1865-й год Владимир Орловский получает в Академии денежное пособие для недостаточных академистов: «№7. 14/0 Министерство Императорского двора. Императорская Академия Художеств. 20 марта 1865г. №657. Господину Бухгалтеру Правления Академии Алексею Михайловичу Попову. На основании постановления Совета Академии, в 27 день минувшаго Февраля последовавшаго, производимое ученику Владимиру Орловскому, по назначению Совета на третнем экзамене 22 декабря 1862 года, содержание по 10 руб. в месяц,

следует прекратить. О чем и сообщается вам для сведения и прекращения помянутого содержания с 1-го числа сего марта. За Конференц-Секретаря Заслуженный Профессор (нрб.).» [6]

Право на получение пособия необходимо было подтверждать каждый год, выдавалось пособие только успешным ученикам: «Журн. Сов. 9 и 10 Января 1863г. Ст.17-я. Определено: принять к руководству, что правом получения бесплатных билетов по бедности пользуются исключительно ученики получившие медали и нумера первого десятка за рисование по всем классам. Журн. Сов. 9 и 10 Января 1863г. Ст.3-й. Определено было между прочим ученику Владимиру Орловскому назначить содержание по 10 р. в месяц начиная с 1 Января 1863г. Журн. 25 и 27 Февраля 1865г. Ст.24. Содержание это прекращено по нахождению Орловского в Крыму». [7, с.19]

Билет, о котором идет речь в выше приведенных архивных материалах, это документ, дававший право на посещение занятий и одновременно- на проживание в Санкт-Петербурге: «Билет. Из Императорской Академии Художеств состоящему в числе вольноприходящих учеников ея...в том что он имеет право проживать на квартирах в Петербурге, при исправном посещении Академических классов в течении (нрб.) сего 1864 года. С истечением сего срока билет сей должен быть возвращен в Академию, с заменом другим или с прекращением выдачи такового. В уверение чего и дан ему... билет с приложением Академической печати. С.-Петербург, Января 3 дня 1864 года. Конференц-Секретарь. Получил...». [8, с.3]

Получая пособие, Владимир Орловский и сам активно работает. Так, в 1863-м году две его работы, наряду с работами других молодых художников, приобретает Общество Поощрения Художников: «Из отчета за 1862 год, Вам, Милостивые Государи, известно о постановлении Комитета, чтобы по прекращении ежемесячных выдач бывшим пансионерам, все свободныя денежные средства Общества, преимущественно, употреблять на заказы и покупки произведений русских художников и на выдачу пособий тем из молодых людей, которые заявляют несомненные дарования. На этом основании в 1863 году сделаны следующие распоряжения: А) По выбору Комитета приобретены покупкою нижепоименованные картины, признанные достойными внимания и по сюжетам и по исполнению: 1. Вид Кавказа- Лагорио. 2. Тоже 3. Горе матери- Реймерса. 4. Богомолки- Попова. 5. Лунная ночь- Суходольского. 6. Пейзаж- бар. Клодта. 7. Гарибальдийцы- Филиппова. 8. Пряха- бар. Клодта. 9. Пейзаж- Киселева. 10. Сборы в маскарать- бар. Клодта. 11. Пейзаж- Орловского. 12. Тоже. 13. Пейзаж- Волковского. 14. Внутренность церкви- Сажина. 15. Наружный вид часовни- его же. 16. Пейзаж- Добровольского. 17. Тоже. 18. Головка девушки- Жодейко. 19. Вид Симонова монастыря- Верещагина. 20. Вид Спасской башни- его же. 21. Пейзаж- Попова (московского). При покупке вышепоименованных картин имелось более всего в виду поощрить и поддержать художника вовремя и хотя небольшою суммою, придать ему силу для дальнейших трудов. С этою же целью весьма часто выдавались художникам денежные ссуды, с возвратом при продаже их произведений». [9, с.2-3]

В конце того же года работы Владимира Орловского были разыграны в лотерею: «В годичном собрании Общества Поощрения Художников, 27 декабря 1863 года, разыграны в лотерею между гг. членами следующие предметы: 15. Содержание картины: Пейзаж- Орловского. Кто выиграл: Петр Павлович Дурново. 16. Тоже. Николай Густавович Розинский». [10, с.35-36]

В 1863-м году появляется первый отзыв о творчестве Владимира Орловского в печати: «После Лагорио и Боголюбова нельзя умолчать о нескольких молодых талантах, приобретших в последнее время заслуженную известность. Первым из них оказывается барон М.П. Клодт 1-й, котораго «виды» Нормандии и Швейцарии имеют большие достоинства. ... Что касается живописи растительности, то по этой части, за два года назад, явился талант замечательный- Е.И. Дюкер. ... Большая надежды внушает и г. Орловский, ученик Боголюбова. Картины его имеют своеобразный характер, как и у Дюкера». [11]

Весной 1864-го года ученик Академии Владимир Орловский едет на этюды в Крым: «Свидетельство №3. №950. Из Императорской Академии художеств ученику ея Владимиру Донатову сыну Орловскому в том, что он отправляется для художественных занятий по Волге и в Крым сроком по пятнадцатое число октября сего 1864 года почему Г.г. на заставах начальствующие благоволят чинить ему свободный пропуск туда и обратно и при занятиях его в случае надобности оказывать законное содействие. Во уверение чего и дано ему Орловскому сие свидетельство с приложением Академической печати. С.Петербург Апреля 11 дня 1864 года. Императорской Академии Художеств Конференц-Секретарь. Производитель дел». [12]

В процессе обучения в Академии, Орловский сближается с профессором Академии А.П. Боголюбовым, который, вернувшись из поездки в Европу, работал в Академии с молодыми художниками. Боголюбов отмечает способности Владимира Орловского: «1860. Отечество. Снова петербуржец. (Октябрь-Ноябрь). Поселился в Академии. Августейший президент наш В. Кн. Мария Николаевна предложила мне безвозмездно брать учеников Академии-пейзажистов на выучку. Молодёжь стала ко мне ходить. Я им проводил мои европейские взгляды на искусство, рекомендуя писать поболее этюдов с природы и не набросками, как у нас начинается летняя работа художников, а окончательно и сознательно. Из всех молодых людей (Ф.Ф. Боганц, Д.В. Вележев, И.В. Волковский, П.П. Джогин, Е.Э. Дюккер, Е.А. Ознобишин, И.И. Шишкин, В.Д. Орловский) я встретил талантливое одно только И.И. Шишкина и потом, через два года, Орловского. Остальное всё было очень посредственно и тупо. Был ещё Дюккер, но тот скоро сделался пенсионером, и я его уже знал позже, в Дюссельдорфе, где он поселился совсем, составя себе почтенное имя». [13, с.91]

В мастерской Боголюбова у Орловского завязались новые знакомства. Его биограф, Ф.И. Булгаков, пишет об этом периоде в жизни Владимира Орловского так: «Даровитый академист, однакож, нуждался в указаниях и советах, а равно и во внимании к себе опытных руководителей. Случай ему доставил это. Однажды сидел он в копировальной зале и работал над копией с какого-то этюда А.П. Боголюбова. Заметив даровитого ученика, профессор предложил ему заниматься у себя в мастерской, где, знакомя его со своими посетителями, дал ему возможность выдвинуться вперед». [14]

Боголюбов вводит Владимира Орловского в круг своих высокопоставленных заказчиков и знакомых: «Так, у Татищевых Орловский прогостил лето, писал этюды, затем получил рекомендательное письмо А.П. Боголюбова к архитектору Монигетти, строившему тогда «Ливадию». Тот в свою очередь познакомил его с князьями Воронцовыми, и в Алушке художник провел 1864 и 1865гг., делая этюды. То были еще рабския копии с природы». [15]

на этюдах в Крыму позволила Владимиру Орловскому повысить свое мастерство художника, начать поиск своей индивидуальной манеры письма. Ф.И. Булгаков связывает изменения в живописи Владимира Орловского с влиянием княгини В.М. Воронцовой: «Княгиня М.В. Воронцова, любившая искусство и сама занимавшаяся им, заметила ему как-то, что не в этом состоит настоящее направление художества, что нужна некоторая поэтическая струя, что надо подыскивать в природе эффекты, которые находили бы отклик в душе и творческой фантазии художника и что при исполнении этюдов не столько нужно обращать внимание на частности, сколько на получение общего настроения, впечатления, произведенного данной местностью, освещением, моментом, подмеченным в натуре. И, поясняя это, княгиня предложила художнику написать этюд окна в своей комнате. Последняя помещалась в полусвете; окно выходило в сад, где деревья и дорожки были залиты южным солнцем. «Вот именно это впечатление блеска, света, тепла передайте мне; листья, ветки- вещи второстепенныя, об этом не заботьтесь много, я сама их почти не замечаю, но ваш этюд должен мне напомнить это окно, т.е. весь блеск, свет, всю ту прелесть жизни, тепла южного солнца, которыя чувствуются там, в саду», разъясняла княгиня молодому художнику. Этот первый этюд был, так сказать, пробным камнем в дальнейших успехах художника. Таким образом, под влиянием М.В. Воронцовой Орловский набрел

на свою дорогу, а пребывание в Алушке доставило ему большой запас этюдов, что и дало ему возможность явиться во всеоружии на академический конкурс». [16]

Действительно ли было влияние княгини Воронцовой на молодого художника так велико, или Орловскому достало ума не отрицать влияние своей знатной покровительницы, сказать трудно. Сам В.Д. Орловский об этом эпизоде нигде не упоминает.

Как пишет далее Ф.И. Булгаков, «Вместе с академическим успехом явились и материальные успехи. В данном случае Орловский опять-таки был обязан А.П. Боголюбову. Профессор рекомендовал его картины всем и всюду. Весьма важной поддержкой в то время были: покупка программы на малую золотую медаль Е.В. Наследником Цесаревичем, ныне царствующим Государем Императором, и заказ картины в пандан этой вещи, равно благосклонное внимание высококачественного заказчика. Боголюбов вскоре затем вызвал Орловского в Петергоф помогать ему писать декорации, где и представил художника Государю Наследнику и его супруге». [17, с.10]

Подтвердить факт работы Владимира Орловского в Петергофе архивными документами на сегодняшний день автору этой работы не удалось.

Способности молодого художника замечены. Он по-прежнему пользуется покровительством Императорского Общества Поощрения Художников, как один из подающих надежды молодых художников: «...одна из главных забот общества состоит, конечно, в том, чтобы принимать произведения только тех художников, которые обладают несомненным дарованием. Поощрение художника на том основании, что он случайно избрал художественный путь и находится в бедности, диаметрально противоположно настоящей цели общества; – последнее уже есть дело Общества вспомоществования бедным, но не Общества Поощрения Художников, которое заботится, прежде всего, о развитии талантов, могущих современем занять почтенное место в истории национального искусства. В видах своей цели, Комитет Общества, изыскивая средства для привлечения на Выставку большого числа посетителей, – предложил, в виде опыта, открыть при Выставке художественную лотерею. Вырученную сумму предназначалось употребить на покупку картин лучших наших молодых художников». [18, с.3]

У молодых художников было приобретено 11 картин, 3 акварели и 3 бронзовые вещи. Собственностью Общества стали картины Владимира Орловского «Мельница» и «Мост на болоте». С постоянной выставки Общества были проданы 82 произведения русских художников, среди которых – три работы Владимира Орловского: «Весенний снег»; «Сноп»; «Долина Салгира». [19, с.17-19]

Приобретенные Обществом две картины Владимира Орловского в годичном собрании Общества Поощрения Художников, 8-го Января 1865г., были разыграны в лотереи. Картину «Мост на болоте» выиграл Действительный Член Общества Поощрения Художников Григорий Павлович Галаган, картину «Мельница» – Член-соучастник Общества Поощрения Художников Родоконали Федор Петрович. [20, с.57-58]

Сам Владимир Орловский, как свидетельствуют материалы его личного дела, работал на Украине и в Крыму: «№8 №1686 15 сентября. В Правление Императорской Академии Художеств. Ученика Владимира Орловского. Прошение. Не имея возможности, вследствие разстроенного здоровья, к данному сроку возвратиться в Академию, честь имею почтительнейше просить Правление Академии возобновить мне Свидетельство на право жительства на Южном берегу Крыма впредь до выздоровления. – Медицинское удостоверение городского врача (на обратной стороне листа) и свидетельство Академии при сем прилагаю. Ученик Академии Владимир Орловский. Адрес на Южном берегу Крыма, в г.Ялту. Владимиру Донатовичу Орловскому. Августа 30 дня 1865г.». [21]

Требуемое свидетельство было Владимиру Орловскому отослано: «Свидетельство №10. №1963. Из Императорской Академии художеств ученику ея Владимиру Донатову сыну Орловскому в том, что он отправляется для художественных занятий в Крым сроком по первое число

сентября будущего 1866 года почему Г.г. на заставах начальствующие благоволят чинить ему свободный пропуск туда и обратно и при занятиях его в случае надобности оказывать законное содействие. Во уверение чего и дано ему Орловскому сие свидетельство с приложением Академической печати. С.Петербург Сентября 17 дня 1865 года. Императорской Академии Художеств Конференц-Секретарь, Статский Советник. Производитель дел». [22]

В Санкт-Петербург Владимир Орловский из Крыма возвращается 1 февраля 1866-го года.

В этот период у него были, видимо, были сомнения, стоит ли продолжать обучение в Академии. В марте 1866-го года он обращается в Правление Академии с прошением о присвоении ему звания классного художника: «№12 Марта 2 1866г. №365 Его Превосходительству, Господину Исправляющему должность Вице-Президента Императорской Академии Художеств, ректору Ея Константину Андреевичу Тону, ученика Владимира Орловскаго, Прошение. Не имея возможности продолжать долее мои занятия в Академии, по причине вредного влияния здешнего климата на мое здоровье, я на основании полученных мною малой и большой серебряных медалей, честь имею почтительнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выдаче мне аттестата на звание класснаго художника 3-й степени (присущего) этим медалям. Ученик Академии Владимир Орловский. Марта 2 дня 1866-го года». [23]

К прошению была приложена справка о результатах обучения Владимира Орловского в Академии: «Справка. Орловский Владимир поступил в число Вольнослушающих в 1861 году в класс гипсовых голов по пейзажной живописи; в сентябре месяце того же года принят в ученики по новому Уставу; в декабре переведен в класс гипсовыхъ фигур. В 1864 году получил №№10, 41, 36. В 1862 году 22 декабря удостоен 2-ю серебряною медалью, за пейзаж. В 1863 году 21 декабря удостоен 1-ю серебряною медалью за пейзаж. 8 марта 1866г. №53». [24]

Но вскоре после этого прошения он представляет другое- просит о зачислении его учеником по классу архитектуры: «№13. 18 марта 1866 года. №504. В Совет Императорской Академии Художеств, ученика Академии Владимира Орловскаго. Прошение. Находясь в числе учеников Императорской Академии Художеств по пейзажной части, я в настоящее время решился заняться изучением Архитектуры; почему почтительнейше прошу Совет Академии, издать распоряжение о зачете меня в число учеников по этому отделу. Ученик Владимир Орловский. 12-го марта 1866 года». [25]

Последнее могло быть связано с отмеченным выше знакомством Владимира Орловского с архитектором И.А. Монигетти (1819-1878). [26, с.418]

Видимо, увлечение архитектурой было кратковременным и уже в мае того же 1866-го года Владимир Орловский планирует поехать на этюды в Петербургскую и Московскую губернии: «№14. 20 мая 1866 года. №896. В Правление Императорской Академии Художеств, Ученика Владимира Орловскаго Прошение. Находя для себя полезным, отправиться на лето во внутрь Петербургской и Московской Губерний для художественных занятий с натуры, почтительнейше прошу Правление Академии выдать мне Свидетельство для жительства и свободного проезда по этим губерниям. Ученик Владимир Орловский». [27]

На решение продолжить занятия живописью и обучение в Академии могло повлиять также то, что в 1866-м году Владимир Орловский получает премию Императорского Общества Поощрения Художников, учрежденную Обществом. Отчеты Общества за этот период позволяют понять, какими критериями руководствовались члены общества оценивая художественные произведения, в том числе пейзажные работы русских художников. Так, в отчете за 1865-й год читаем: «... один из наших членов, Граф Павел Сергеевич Строгонов, подал мысль ввести систему конкурса, как весьма действительную для возбуждения художественной деятельности и, вместе с тем, предложил учредить на свой счет две премии,— одну в 600 руб. за лучшую картину жанра, взятую из русской жизни, другую- в 400 руб. за лучший ландшафт, взятый из русской природы. Желая... усилить средства поощрения, Комитет Общества поспешил при-

соединить к 1000 руб., внесенным на премии Графомъ П.С. Строгоновым, еще 400 руб. из сумм Общества, предлагая разделить их на три части и каждую назначить как вторую премию. В последнем заседании Комитета, решено было прибавить к существующим двум вторым премиям еще две премии третьего разряда, каждую в 100 рублей. В конце минувшего года конкурс состоялся... из числа этих произведений, шесть отличались положительными художественными достоинствами... По пейзажу: Каменева «Песчаная отмель», Гине «Летний дождь» и Дикера «Берег моря». В отчете Комиссии, выбранной гг. Действительными членами для присуждения премий, напечатанном в 332№ газеты Голос, – подробно оценены и взвешены достоинства этих произведений. ... Независимо от техники, более внимательной, более обработанной, успех в пейзаже явно проглядывал в старательномъ изучении явлений природы, в желании выбирать местность живописнее, в желании одушевлять ее фигурами и животными и воспроизводить ее с оттенком личного поэтического чувства». [28, с.3-5]

Владимир Орловский получает одну из премий, учрежденных Императорским Обществом Поощрения Художников по инициативе графа Строганова в следующем, 1866-м году: «Расход. По Обществу Поощрения Художников за 1866г. Выдано премий, удостоившимся их художникам: Шишкину... 400 руб. Орловскому... 200. Соколову... 200. Сычугову... 200. Шреттеру... 200. Далю... 200». [29, с.43]

На постоянной выставке Общества Поощрения Художников весной 1866-го года была выставлена картина Владимира Орловского «Ущелье при закате солнца Крым». Видимо, за нее и была присуждена премия. [30]

По возвращении с этюдов, в конце лета 1866-го года, Владимир Орловский выражает желание принять участие в конкурсе на малую золотую медаль: «№16 30 августа 1866 года. №1436 В Совет Императорской Академии Художеств, ученика Владимира Орловскаго, Прошение. Чувствуя себя достаточно сильным для принятия участия в конкурсе на малую золотую медаль по отрасли пейзажной живописи, почтительнейше прошу Совет Академии не отказать мне в праве быть экзаменованным наравне с конкурентами. Если- как 5-летний опыт доказал, что только буквальное выполнение новаго Устава и может дать хороших художников, то в таком случае покорнейше прошу Совет Академии допустить меня к конкурсу на тех же условиях, на каких дозволено это было ученику Архитектуры Шрейберу. Ученик Академии Владимир Орловский. 30 августа 1866 года». [31]

Здесь, видимо стоит сказать несколько слов о новом уставе Академии Художеств, на который ссылается Владимир Орловский. Уставы Академии художеств являлись важнейшими документами которые определяли не только деятельность Академии как художественного учебного заведения, но и развитие изобразительного искусства и художественного образования России. После поражения в Крымской войне (1853–1856) необходимость преобразований в Российской империи становится очевидной. Коснулись перемены и Академии Художеств.

Летом 1858 г. президент Императорской академии художеств, Великая княгиня Мария Николаевна, подала записку в Министерство Императорского двора, в ведении которого находилась Академия. Записка подана была на имя В. Ф. Адлерберга, возглавлявшего Министерство, почетного любителя Академии художеств с 1857 г.

Мария Николаевна обосновала необходимость преобразований в Академии художеств: «В управлении Императорской академии художеств как в художественном отношении, так и в распоряжении денежными средствами было бы весьма полезно сделать некоторые улучшения для того, чтобы, с одной стороны, развить самую художественную деятельность и образование молодых людей, обучающихся в Академии, а с другой стороны, ввести более правильности и бережливости в расходовании сумм» [32, л. 1].

Мария Николаевна обращала особое внимание на общее (первоначальное) образование, отсутствие которого, по ее мнению, мешало развитию художественных способностей: «Большой талант превозмогает это, но для большинства недостаток первоначального образования

имеет следствием, что ученик останавливается на механической стороне искусства и, следовательно, не достигает истинного художественного успеха» [33, л. 1].

В труде С. Н. Кондакова об Уставе 1859г. сказано: «Этим уставом положено расширить курс преподавания общеобразовательных предметов с тем, чтобы поднять уровень общего развития и образования среди русских художников и дать им возможность сравняться во всем с их иностранными собратьями».

[34, с. 45].

Как мы увидим ниже, у Владимира Орловского были проблемы именно со сдачей экзаменов по общеобразовательным предметам: «№932 25 Мая 1867г. В Совет Императорской Академии Художеств. Инспектора Н. Шрейнциера РАПОРТ. Честь имею при сем представить отчет экзаменов по наукам за 1864 и 1866 года по 3-м отделениям. Отчет экзаменов по наукам за 1864 и 1866г. 1-м Отделении. 2) Ученики, оставшиеся с 1-го курса, с обозначением с которого года они в оном находятся. Живописцы. Орловский Владимир (пейзаж.) 1861. Сколько имеет медалей: одну 2-ю сер. и одну 2-ю золотую». [35]

О системе преподавания наук в Академии, может дать представление программа преподавания курса русской словесности: «Императорской Академии Художеств. Программа общей и русской словесности. I. Курс. Краткия психологическия понятия. Понятие о языке, его составе и образовании; о письменности. Проза и поэзия. Сочинения описательныя и историческия.

II. Курс. Понятия об изящном. Поэзия. Выражения ея в слове. Главныя роды поэтических произведений. Эпос греческий в произведениях Гомера. Эпос средневековой. Роман. Представители его. Животный эпос. Басни у новых народов.

III. Курс. Лирические поэты. Драматическия писатели: Софокл и Аристофан. Ложно-классическия драматурги у французов. Шекспир.

IV. Курс. Исторический очерк главных русских писателей с преимущественным изучением их, от Петра Великаго». [36, с.1]

По новому Уставу предлагалось с одной стороны, отчислять из Академии художеств неуспевающих учеников, с другой- выдавать бедным ученикам, успешно обучающимся в Академии, пособия для продолжения ими образования. [37, л. 3].

Именно это позволило Владимиру Орловскому продолжать обучение в Академии после того, как дела его семьи пришли в упадок.

К концу 1858 г. проект нового Устава Академии художеств был готов. По Уставу 1859 г.: вводились классы наук; определялось время обучения; академический курс делился на три отделения, при переходе из одного отделения в другое учитывались результаты экзаменов по научным предметам. Пенсионеры должны были ежегодно присылать свои работы в качестве отчета. Время пенсионерства – шесть лет. Вводилась система получения степеней и званий – классных художников, академиков, профессоров. Решались социальные вопросы: «§ 28. Ректор обращает внимание на положение учеников и представляет вице-президенту сведения о выдаче беднейшим и нуждающимся пособий»; «§ 51. Пособия утверждаются в правлении вице-президентом по соглашению с ректором, к отделению коего ученик принадлежит; Выпущенный из 4-го класса Гимназии и имеющий одобрительный о сем аттестат поступает в Академию без экзамена; но должен, однако же, уметь рисовать». [38]

Как было указано выше, именно на таких основаниях был принят в Академию художеств Владимир Орловский.

В марте 1867-го года Орловский планирует отправиться для работы на натуре в Малороссию и Крым: «№17 15 марта 1867 года. В Правление Императорской Академии Художеств, ученика Владимира Орловскаго, Прошение. Находя для себя нужным и полезным отправиться в Малороссию и Крым для художественных занятий с природы, почтительнейше прошу Правление Академии выдать мне свидетельство для свободного проезда и жительства в Киевской

и Таврической Губерниях сроком по 1 января 1868 года. Ученик Академии Владимир Орловский. 14-го марта 1867 года». [39]

Его ходатайство было удовлетворено: «Свидетельство №19. №294. Из Императорской Академии художеств ученику ея Владимиру Донатову сыну Орловскому в том, что он отправляется для художественных занятий в Киевскую и Таврическую губернии сроком по первое число января будущего 1868 года почему Г.г. на заставах начальствующие благоволят чинить ему свободный пропуск туда и обратно и при занятиях его в случае надобности оказывать законное содействие. Во уверение чего и дано ему Орловскому сие свидетельство с приложением Академической печати. С.Петербург Марта 15 дня 1867 года. Императорской Академии Художеств Конференц-Секретарь, Статский Советник и Кавалер. Производитель дел». [40]

За одну из работ, выполненных летом 1867-го года Владимир Орловский получает серебряную медаль: «31 Декабря 1867г. №2312. В Совет Императорской Академии Художеств Инспектора классов Академии РАПОРТ. На бывшем 23-го Декабря 1867 года третьем экзамене удостоены ученики Академии к получению наград серебряными медалями: 2-го достоинства. За рисунок с натуры: Орловский Владимир». [41, с.6]

Весной следующего, 1868-го года Владимир Орловский вновь планирует принять участие в конкурсе, уже на право поездки для совершенствования за границу: «№20 3 мая В Правление Императорской Академии Художеств, ученика Владимира Орловского, Прошение. Предполагая отправиться на днях в окрестности Петербурга с целью приобретения художественных материалов нужных для выполнения программы на 1-ю золотую медаль, почтительнейше прошу Правление Академии снабдить меня свидетельством нужным для свободного проезда по Петербургской губернии и Финляндии, ровно как и вспомоществовательными стипендиями, полагающимся конкурентам на золотые медали по пейзажной отрасли по пятнадцати рублей за четыре месяца. Ученик Академии Владимир Орловский. Мая 3-го дня 1868 года». [42]

К заявлению приложена справка о результатах, достигнутых учеником Академии Художеств Владимиром Орловским к весне 1868-го года: «Справка. Орловский Владимир поступил в число Вольнослушающих по пейзажной живописи в 1861 году в класс гипсовых голов; в сентябре месяце принят в ученики по новому Уставу; по наукам в 1-м Отделении, и в декабре того же года переведен в класс гипсовых фигур. С 1867 года состоит в натурном классе, и получал за рисунки №№ 19, 13, 19-ый. Имеет медали: 22 декабря 1862 года получил 2-ю серебряную медаль, за пейзаж. 21 декабря 1863 года получил 1-ю серебряную медаль за пейзаж. 31 августа 1866 года на предварительном собрании, получил 2-ю золотую медаль за картину Вид. 23 декабря 1867 года получил 2-ю серебряную медаль за рисунок с натуры. В 1868 году состоит в числе конкурентов на 1-ю золотую медаль. – По наукам состоит с 1861 года в 1-м Отделении, и на переводные экзамены не явился три раза, если же в нынешнем году сего мая не явится, то должен быть исключен из числа учеников. Инспектор. №139. 6 мая 1868г.». [43]

Достигнутые Владимиром Орловским успехи действительно позволяли ему принять участие в конкурсных испытаниях: «Согласно определению Совета 11-го Октября 1860 года, о правах конкурировать на золотые медали. ... имеют право конкурировать на золотые медали, когда имеют: По живописи пейзажной и перспективной. 2-ю сереб. мед. За рисунок натурнаго класса. 1 и 2 за этюды их рода живописи». [44, с.22]

Согласие Совета Академии на участие Владимира Орловского в конкурсе на золотую медаль было получено: «Список лицам, участвовавшим в сочинении эскизов секретно на конкурсах и получивших разрешение работать на звания и медали. Живописцы. Владимир Орловский на 2-ю золотую мед. 1 золотую». [45, с.26 об.]

Как уже упоминалось выше, Владимир Орловский пользовался покровительством профессора Боголюбова, так что над своей конкурсной картиной, в отличие от других конкурсантов, он работал в мастерской профессора Боголюбова: «1 Марта. Сообщить Г. Инспектору о распределении мастерских конкурентам с объяснением в какой мастерской, предполагается

кого именно поместить. Распределение это нужно утвердить Его Сиятельству. 1) Сообщить в бухгалтерию кто именно назначен Советом в конкурс, чтобы сделать распоряжение о производстве конкурентам определённого по 15 р. в месяц содержания.

В Правление Императорской Академии Художеств. Инспектора классов Академии Рапорт. Вследствие предписания Правления Академии от Марта сего 1868 года за №389, на основании Постановлений Совета Академии 13 и 20 января, для исполнения программ на золотые медали и на денежные вознаграждения, розданы мною мастерския.– Живописцы. Польшов Василий №9 об 2-х окнах. Харламов Алексей- 10- то же. Верещагин Митрофан – 11- то же. Семирадский Генрих – 12- то же. Зеленский Михаил – 14 – то же. Репин Илья – 17 – то же. ... Орловский Владимир, пейзажист, занимается в мастерской Профессора Боголюбова». [46]

На конкурс Владимир Орловский представил три работы в сентябре того же 1868-го года: «62. Орловский Владим. Донатович. На каких звания и каких произведения. На 1-ю золотую медаль. 1, Деревня Кокос (внутри Крыма). 2, Вид с южного берега Крыма в Алушке. 3, То же. Какая имеет награды и звания. Ученик. 1-ю золотую медаль». [47, с.22об.]

За три картины, исполненные в 1868-м году, Владимир Орловский получил Большую золотую медаль и право на заграничную поездку: «Список лицам, удостоенным от Академии Художеств медалями за успехи в художествах в 1867-1868г. 1. Владимир Орловский. Золотая первого достоинства- 1. Серебряная 2-го достоинства- 1». [48, с.27]

Работы Владимира Орловского, удостоенные наград Академии были приобретены для ее музея: «Г. Хранителю музея. №2579 30 Ноября 1868г. Правление академии предлагает Вашему Высокоблагородию записать на приход в качестве принадлежащих Академии картины: 2) Вид на южном берегу Крыма Владимира Орловского удостоенного золотой медали. Мера картинам с рамами, приобретенными Императорскою академиею Художеств. Удостоенные 1-ю Золотою медалью. Вид на Южном берегу Крыма. Орловский. Высота Аршин 2 вершков 4; Ширина аршин 3 вершков 5. Выписка из журнала Совета Императорской Академии Художеств от 10 декабря 1868 года.

Ст.27. Г. Вице-Президент Академии предлагает Совету приобрести для пополнения Музея русской школы следующие картины по ниже показанным ценам: 6. Деревня Кокос, пейзаж Орловского, 850р. за раму 60 р.». [49, с.42]

Был определен срок, на который Владимир Орловский отправляется за границу: «По вопросу составления инструкций для пансионеров, отправляющихся за границу в 1869 году. По журналу Совета, состоявшемся 11 сентября 1868 года получили первые золотые медали... по живописи пейзажной Владимир Орловский. На основании пар.791 Устава все четверо посылаются за границу на казенный счет для усовершенствования; ...Владимир Орловский на шесть лет». [50]

Получив право на заграничную поездку, Владимир Орловский готовится к ней: «№21 №1903. В Правление Императорской Академии Художеств, Художника Владимира Орловского Прощение: Предполагая заниматься изучением только Русской природы и Русского пейзажа и потому находя нужным прежде моей поездки за границу достаточно запастись матерьялами для такой деятельности, я находя полезным с этой целью отправиться в Малороссию и Крым, покорнейше прошу Правление Академии выдать мне должный вид для свободного проезда и жительства в Киевской губернии и Крыму на возможный, согласно правилам Академии срок. Художник Владимир Орловский. 17-го сент. 1868 года». [51]

Просимое Орловским Свидетельство было ему выдано: «№22-23 Свидетельство за №1903 получил Художник Владимир Орловский. Свидетельство. Из И.А.Х. ученику Ея Владимиру Орловскому, награжденному за отличные успехи в живописи пейзажной, золотую медалью 1-го достоинства и отправляющемуся в Малороссию и Крым, для практических занятий в изучении Русской природы, до отправления его за границу. Почему благоволят городския и

уездных начальства во время проезда Г. Орловского чинить ему безпрепятственный пропуск и в местах пребывания его для вышесказанных занятий, допускать к рисованию местностей, по его выбору, безостановочно, в течении одного года. В удостоверение чего прилагается к сему свидетельству печать Академии. С. Петербург сентября 19 дня 1868 года». [52]

В Крыму Владимир Орловский плодотворно работает, ведет переписку со своими коллегами и знакомыми. Одному из них, художнику Павлу Алексеевичу Черкасову (1834-1900), он пишет: «15 июня 1869г. ...я живу вдали от Ялты, в месте где сообщение не только с городом, но даже с окрестными жителями нет... завтра переселяюсь во внутрь Крыма. Удалось найти несколько прекрасных мотивов, с которых надеюсь написать хорошие картины... Вашим знакомым я с удовольствием напишу 2 картинки указанной величины одну за 30 р. а другую за 50-т. И надеюсь, что они будут недурны. Но это могу сделать (нрб.) как возвратившись в Петербург. Я надеюсь написать в нем еще одну картину на конкурс на постоянную выставку а стало быть придется прожить какой месяц еще в нем, а тогда уже и отправлюсь за границу. А значит между прочим можно будет написать и эти две вещицы». [53]

В Петербург Владимир Орловский возвращается с этюдов в октябре 1869-го года: «№24-б Свидетельство за №1837 получил В.Орловский. Свидетельство. Из Импер. Акад. Худож. Пенсионеру ея Владимиру Донатовичу Орловскому, удостоенному награждения 1-й золотой медалью, в удостоверение того, что он, по возвращении (нрб.) с практических занятий из Южной России, в скором времени должен отправиться на казенный счет, за границу, для дальнейшего усовершенствования в пейзажной живописи, а до того может проживать безпрепятственно в С. Петербурге... Октября 10 дня 1869 года». [54]

Осенью 1869-го года решаются последние организационные вопросы перед выездом Владимира Орловского из России: «№25. №1980 Господину С.Петербургскому Обер-Полицмейстеру. 23 октября 1869г. Правление И.А.Х. отправляет с Высочайшего соизволения за границу, для усовершенствования в пейзажной живописи на три года, удостоенного 1-й золотой медали пенсионера Академии Владимира Донатовича Орловского... покорнейше просит Ваше Превосходительство ...выдать Орловскому заграничный паспорт». [55]

«№26 По оп.6 №929 Ассигновка. 13 октября 1869г. Сверх-штатные ассигнования на содержание 4-х пенсионеров за границей. №27 1869 года октября 25 дня я нижеподписавшийся даю сию расписку ...в том, что инструкцию изданную для пенсионеров Академии отправляющихся за границу для усовершенствования в искусствах я сего числа получил. Владимир Орловский». [56]

О характере обязанностей, которые брали на себя отправлявшиеся за границу художники, позволяет судить приводимый ниже фрагмент инструкции, которую получил Владимир Орловский: «На подлинном собственноручная Ея Императорского Высочества Президента подпись: «Утверждаю Мария». На заседании Совета 21 марта 1863г.... Постановление Совета Академии Художеств, касательно обязательств учеников, получивших золотые медали 1-го достоинства и отправляемых на казенный счет за границу. 3. Сроки для производства пенсионера, определяются точным смыслом Устава Академии, по которому, смотря по успехам: Исторические живописцы и скульпторы оставляются на 6 лет за границую. Пейзажисты и жанристы на три года за границую и на три года посылаются по России. ... 5. Первый год пребывания за границую назначается, собственно, для ознакомления с великими произведениями искусств, почему пансионеры, к какой-бы отрасли художества они ни принадлежали, обязываются вести журналы их путешествий и в виде отчетов представлять их Совету Академии, к концу года, с перечислением осмотренных ими предметов и с их замечаниями.

9. Пансионеры жанристы, пейзажисты и баталисты обязываются, в два последние года пребывания их за границую, присылать в Совет непременно по картине в конце каждого года. – То же обязательство принадлежит также к трем годам путешествия их по России». [57, с.2-3]

Середина- вторая половина XIX века- период растущего значения пейзажной живописи. В пейзаже ярко отразились художественные проблемы эпохи. Как писал об этом в своей ранней работе Федоров-Давыдов, «Пространство, и его «агенты», воздух и свет, ставшие теперь основными предметами интереса живописи, в пейзаже получали свое наиболее адекватное изобразительное выявление. Категория формальная была в пейзаже вместе с тем и категорией сюжетной». [58, с.141]

Понимая это, и имея опыт работы с учениками Академии, наставник Владимира Орловского, профессор Академии Художеств Боголюбов, в 1868-м году представляет на имя вице-президента Академии графа Г.Г. Гагарина проект создания в Академии Художеств специального пейзажного класса. Не пытаясь ставить под сомнение один из главных постулатов академического образования- верховенство исторической живописи, он в проекте приводит основания считать овладение пейзажной живописью важной частью художественного образования для всех художников, какому бы роду живописи они себя ни посвятили: «Проект. Об учреждении при Императорской Академии Художеств художественного пейзажного класса. Безспорно, историческая живопись есть главная в искусстве, как вмещающая в себя все остальные отрасли (жанры). Но во всех Европейских Академиях всякого рода жанр обыденных ли сцен жизни или батальной или архитектурный, портретный, пейзажный, проч., имеют свою самобытность, и мастерския, существуя для каждого жанра отдельно, служат одинаково для всех художников местом изучения тех необходимых аксессуаров, без которых никакая картина не может быть верна если обстановка места ея не взята с натуры. Эти условия к сожалению вовсе не считались необходимыми для наших академических учеников по недостатку нужных для этого материалов и сведущих руководителей. До сих пор в нашей С.П. Академии пейзажный жанр имел таки свое место или гражданство; для изучения его назначен штатный профессор, который должен учить письму с натуры масляными красками и исполнять в тоже время обязанности преподавателя по классу рисования в отделе гипсовых голов. На сколько хватает у такого Профессора времени, как силен в искусстве этот Профессор, пригоден ли он по своим летам и знанию, к современному письму с натуры, способен ли он привязать к себе ученика, внушить уважение к себе и своей работе, сказать это очень трудно. Если академический Профессор и соединяет в себе все эти необходимые качества, то не имеет кроме своей собственной мастерской (если еще у него таковая имеется) другого места где бы мог ученик работать, он не может конечно следить за ним и быть ему во время самой работы полезным. Из всего этого мне видна совершенная необходимость учреждения пейзажного класса и хотя до сих пор в Академии его не существовало, потребность заниматься изучением этого рода живописи чрезвычайно чувствительна не только между учениками Академии но и между частными любителями. Говорю это на основании моего многократного опыта. Когда живя в Академии с 1861-го года по 1865-й в качестве вольного Профессора с соизволения Ея Высочества Президента, имел у себя более двадцати пяти учениковъ и учениц безвозмездно и что труды мои были вполне оценены Г. Вице-Президентом Академии доказывается тем, что когда я оставил Академию мне была по ходатайству его пожалована Высочайшая награда. Возвратясь в Россию снова и видя что пейзаж в Академии приходит в совершенный упадок а также сознавая что могу еще приносить пользу жаждущим знаний и науки в пейзажном искусстве, я возымел мысль сделать следующее предложение: Устроить в Академии столь необходимый пейзажный класс, с учреждением которого, вероятно, образуются впоследствии класс народного жанра, класс портретной живописи и проч. и проч. на самых выгодных для Государства и Академии условиях. Академия отводит для этого дела удобную мастерскую но (нрб) прежде будет один тотже штатный профессор Академии и класс вновь основанный всетаки остается пусть постоянно, а потому для привлечения туда учеников и для возбуждения в них живаго интереса необходимо: Дать возможность всем ученикам пользоваться этюдами с натуры, смотреть на них, вникать, копировать и вообще руководствоваться ими с помощью преподавателей, подготавливая себя к лет-

ней работе. С этой целью я первый предлагаю в дар Академии сто и более своих этюдов с натуры масляными красками и к этому прибавляю еще до двухсот восьмидесяти рисунков всех посещенных мною стран, что и составить основной художественный фонд пейзажного класса. Сверх того имею в виду постоянно пополнять эту коллекцию как своими новыми этюдами и рисунками, так и приобретаемыми от моих товарищей по искусству не отказывающихся служить общему делу; но первоначальное устройство этого класса прошу вверить мне и г. Академику пейзажной живописи Шишкину. Класс этот открыт от 8-ми часов утра до 8-ми вечера для всех желающих заниматься пейзажной живописью. Каждому художнику, имеющему звание Профессора или Академика пейзажной живописи, предоставить право посещать оный в качестве преподавателя если кто из учеников руководствующихся его знанием принадлежит к этому классу. Чтобы каждый преподаватель, Профессор или Академик, имеющий учеников выставляющих свои Этюды или картины на третней или годичный экзамен в Академии, имел право голоса в Совете Академии при обсуждении пейзажного искусства на экзаменах, а вместе с тем получал бы возможность в Совете защищать своего ученика. Подобные преподаватели, не получая никакого жалованья, по усмотрению Совета, конечно могут быть вознаграждены за свой труд почетною правительственною наградою и из среды их может быть избран с их согласия полного академического профессора. Штатный академический Профессор, Академик, имеет доступ в этот классъ (наравне с?) преподавателями и следовательно посещая его сам будет иметь учеников. По назначению Инспектора класса и по соглашению с Профессорами класса, один из Академических учеников именуется «Старшим учеником» и на нем лежит обязанность и наблюдения за порядком а также и хранения вещей становящихся собственностью класса. Все этюды, рисунки и модели и пр. должны быть за номером и печатью Академии и никогда никому из класса не отпускаться. Имеющиеся в Академии модели кораблей, костюмы и некоторые архитектурно-перспективные модели и другие необходимые аксессуары необходимые для пейзажной живописи поступают в собственность класса. Каждый желающий посещать этот класс получает предварительно от своего профессора билет, который потом скрепляется подписью академического Инспектора и тогда только ученик получает право на посещение класса без всякаго возмездия. Лучшие из этюдов, выставляемых на экзаменах, получают премию, с тем, чтобы премия окупала его для поступления в собственность класса и тем служила бы поощрением и материальным (нрб.). Таких премий предполагаю устроить две на Художественной выставке при Академии. При классе должен быть присяжный сторож, с обязанностью смотреть за имуществом класса, чистотой и отоплением. Профессор Алексей Богомолов. 1868 года Мая 15-го С.-Петербург». [59, с.8-10]

Отзыв на этот проект, на имя президента Академии Художеств, Великой Княгини Марии Николаевны, был написан конференц-секретарем Академии П.Ф. Исеевым только в 1870-м году. Не вступая в дискуссию о значении того или иного рода живописи, Исеев рассматривает проект с точки зрения финансовой и организационной, находя в представленном проекте ряд трудно разрешимых проблем: «Профессор Боголюбов представил Вице-Президенту Императорской Академии Художеств проект учреждения при Академии пейзажного класса. Главные основания этого проекта следующие: 1, Пейзажный класс учреждается с целью дать возможность совершенствоваться, безвозмездно, всем желающим и имеющим склонность к этого рода жанру, и вместе с тем изучить чисто русский народный жанр. 2, Первоначальное устройство класса предоставляется Профессору Боголюбову и Академику пейзажной живописи Шишкину. 3, Преподавателями в пейзажном классе могут быть все имеющие звание Профессора или Академика. 4, пейзажный класс будет открыт с 8 час. утра до 8 час. вечера. 5, За безвозмездные труды по пейзажному классу, каждому преподавателю предоставляется право голоса при рассмотрении работ его учеников по пейзажному классу на третних или годичных художественных экзаменах Академии. 6, Для составления коллекции пейзажей с натуры, которые необходимы для руководства учеников, Профессор Боголюбов жертвует на первый раз более

ста этюдов с натуры масляными красками и до 250 рисунков с натуры. 7, Имеющиеся в Академии модели кораблей, костюмы, некоторые архитектурно-перспективные модели и другие аксессуары, необходимые для пейзажного класса поступают в его собственность. Заведывание имуществом пейзажного класса возлагается на одного из учеников Академии, который именуется старшим. 8, Вознаграждение учеников за лучшие из этюдов, выставленных на экзаменах, предполагается посредством премий; этюды, получившие премии поступают в собственность класса. 9, Академия дает для пейзажного класса помещение, освещение и сторожа. Г. Вице-Президент поручил мне доложить Вашему Императорскому Высочеству, что он с своей стороны находил бы весьма полезным устроить пейзажный класс, я с своей стороны считаю обязанностью представить мои соображения по устройству класса со стороны хозяйственной, а равно и о том на сколько права предоставляемые всем преподавателям пейзажного класса совместимы с Уставом Академии. Об имуществе пейзажного класса.

1, Профессор Боголюбов предлагает, чтобы, между прочим, были переданы в собственность пейзажного класса костюмы, некоторые архитектурно-перспективные модели и другие необходимые для живописи аксессуары. При Императорской Академии Художеств существовал и предлагается к возобновлению костюмный класс, снабженный всеми необходимыми принадлежностями, костюмами и оружием в довольно значительном количестве; передать из этого класса костюмы в пейзажный класс не только неудобно, но даже и невозможно, потому, что подобная передача была бы равносильна закрытию костюмного класса, который однако признан всюду за необходимую принадлежность художественного курса. Если же для пейзажного класса покупать вновь костюмы, то Академия не имеет на это средств. Все, что можно допустить, это пользование костюмами для учеников пейзажного класса, но в таком случае и самое помещение пейзажного класса должно быть возле костюмного, в противном случае костюмы будут подвергаться неминуемой порче от переноски. Архитектурно-перспективных моделей Академия не имеет, да если бы и были таковыя, то едва ли удобно размещать их в пейзажном классе, вообще нужно сказать, что по проекту Профессора Боголюбова, кроме помещения для пейзажного класса, нужно еще особое помещение для музея этого класса, которое отвести Академия не может в настоящее время, да к тому же едва ли настает надобность в таком музее, когда все нужное для пейзажистов они могут получить из существующих музеев Академии. Из необходимых аксессуаров для живописи, Академия может снабдить класс только мольбертами разных форм и величин, что же касается до красок, кистей и т. под., то Академия не снабжает этими предметами своих учеников, а только в известных случаях выдает пособия на учебные припасы в незначительных впрочем размерах, но Профессор Боголюбов упустил из виду весьма крупную поддержку на меблировку пейзажного класса, которую необходимо определить совершенно точно, чтобы сказать положительно, позволят ли и на сколько именно средства Академии оказать пособие в этом отношении. Что же касается до поручения имущества пейзажного класса в заведывание старшего ученика, то такое предложение Профессора Боголюбова встречает непреодолимые препятствия: 1, По новым правилам, всякое имущество должно быть записано в описную или материальную книгу, как приход так и расход должен производиться на основании предписаний, которые служат оправдательными документами в правильности действий лица, заведующаго имуществом. Весь этот механизм отнимает много времени и будет совершенно не по силам ученика; кроме того, 2, пейзажный класс предполагается открывать с 8 час. утра до 8 час. вечера, следовательно заведующий имуществом должен быть постоянно в классе, или по крайней мере жить в Академии; ученик же Академии обязан в известные часы посещать учебные и художественные классы, которые и отнимут у него довольно много времени. По этому заведывание имуществом пейзажного класса должно быть поручено лицу собственно для этого назначенному с надлежащею ответственностью, что сопряжено также с издержками, которые только в таком случае могут быть обращены на средства Академии, если представится возможность соединить обязанности заведующаго имуще-

ством класса костюмного с таковыми же по пейзажному классу. О помещении. Помещение пейзажного класса, наиболее удобное и довольно обширное может быть в 3-м этаже главного здания по садовой линии возле костюмного класса. Тут возможно соединить две мастерские, которые заключают в себе 22 аршина при 4-х окнах. Приспособление этого помещения будет стоить недорого и потому может быть сделано на средства Академии. Профессор Боголюбов за устройство класса и пожертвование этюдов, равно как и за занятия по классу пейзажному просит мастерскую и возле нея приличную квартиру. Относительно мастерских существуют, в настоящее время, правила, чтобы они были назначаемы: Профессорам Академии вообще, Профессорам и Академикам, имеющим заказы от Особ Императорской Фамилии, желающим работать на звание Профессора или Академика и наконец, конкурентам на золотые медали. Профессор Боголюбов занимает удобную и большую мастерскую и в настоящее время, потому что имеет несколько заказов от Его Императорского Высочества, следовательно эта мастерская может быть оставлена Профессору Боголюбову и на будущее время. Что же касается до квартиры, то таковой в настоящее время положительно нет и когда можно будет назначить такую Профессору Боголюбову сказать почти невозможно, так как это зависит от перестройки флигелей академических по 3 и 4 линиям, на что Академия не имеет даже средств и будут ли таковые назначены в 1869 году определительно сказать нельзя. Если же назначить Профессору Боголюбову квартиру, находящуюся возле его мастерской, то нужно дать живущему ныне в этой квартире Адъюнкту-Профессору Вистемосу квартирныя деньги, на таковой расход Академия не имеет никаких средств. По сим основаниям Правление полагало бы при окончательном соглашении с Профессором Боголюбовым, относительно устройства хозяйственной части пейзажного класса, заявить ему затруднения, встречаемые Правлением для исполнения его просьбы относительно квартиры. Что же касается до мастерской, то и она может быть оставлена за Профессором Боголюбовым только на время его безвозмездных занятий по пейзажному классу, если только он не будет иметь права на мастерскую по другим основаниям. По соображении же с Уставом Академии выговореннаго в проекте каждому из преподавателей пейзажного класса права голоса на художественных экзаменах при рассмотрении этюдов их учеников, оказывается, что на основании §34 Устава, Совет имеет право приглашать и других лиц, нужных при совещаниях о вопросах специальных. Следовательно право голоса на экзаменах и только в известных случаях, преподавателям класса пейзажного может быть предоставлено на основании постановления Совета Академии. Если Ваше Императорское Высочество изволите разделять мнение г.Вице-Президента относительно полезности учреждения пейзажного класса, то не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Высочеству разрешить Правлению Академии войти с Профессором Боголюбовым в соглашение об окончательном устройстве пейзажного класса, на основаниях изложенных в настоящем докладе. «Запись, по вторичном обсуждении дела, испросить, через г. Министра Императорского Двора Высочайшаго соизволения. Конференц-Секретарь Исеев. Читано Его высочеству 13 ноября 1870г.». [60, с.1-6]

Идея устройства пейзажного класса в целом была, видимо, одобрена Президентом Академии Великой Княгиней Марией Николаевной. Желая закрепить успех, профессор Боголюбов в 1871-м году вновь представляет на усмотрение Президента Академии свои доводы о необходимости и полезности учреждения в Академии пейзажного класса: «Ваше Императорское Высочество в предложении Совету изволили выразить желание устроить при Академии пейзажный класс. В видах пользы дела, я позволяю себе высказать мой взгляд на значение этого класса. Пейзажный класс, против устройства котораго здесь так возставали прежде, не следует понимать в тесном буквальном смысле. Пейзаж есть такая принадлежность живописи, в которой нуждаются все отрасли искусства; исторический живописец одинаково с специалистом пейзажистом. Мы часто видим как в картинах хорошо задуманных и прекрасно исполненных портит целостность произведения недостаток пейзажа и перспективы. Последняя между тем особенно удобно изучается на практике в пейзаже, конечно в обширном значении этого

рода живописи. Следовательно, устройство пейзажного класса не есть прихоть Профессора пейзажиста, а необходимая часть нашей Академии, в которой все части преподавания художества развиты можно сказать в совершенстве и строго в художественно-логическом, если можно так выразиться, порядке. Без пейзажного класса общее художественно-научное образование в Академии неполно. За тем обращаясь к более специальной цели пейзажного класса необходимость скорейшего его открытия представляется еще гораздо более настоятельною. Между учениками Академии есть много молодых людей, чувствующих призвание к пейзажной живописи; теперь эти молодые люди не имеют так сказать приюта для своих любимых занятий. Неужели заботиться о них значит идти в разрез с системою классического образования Академии. Мне кажется что те кто так думают, заблуждаются совершенно. Никто из нас, я вполне глубоко убежден, не будет спорить, чтобы пейзажисту не нужна была школа; нет напротив, она ему очень нужна и ученик пейзажист обязан, как и все другие пройти эту классическую школу и пройти ее под условиями одинаковыми со всеми, т.е. получить за рисунок с натуры установленныя серебряныя медали. Звание художника некласснаго, пейзажист может получить только за рисунок с натуры в классах Академии, какъ об этом весьма ясно выражено в уставе Академии. Но затем ученик пейзажист для усовершенствования своей профессии не находит здесь ровно ничего. Нет ни оригиналов, ни этюдов, нет даже места для занятий пейзажистов. Между тем я вижу безпрерывно приходящих за советами учеников и специально-пейзажистов и не пейзажистов. Значит потребность в классе есть и потребность серьезная. Кроме того 1/3 учеников Академии вольнослушающыя, т.е. платящыя за себя. Им мы даже обязаны дать средства учиться пейзажу. Почему я счел своим долгом, как член Совета, почтительнейше просить Ваше Императорское Высочество не изволите ли признать полезным, предложить Совету о скорейшем открытии пейзажного класса и о поручении г. Конференц-Секретарю приискать помещение для помянутаго класса. Профессор А. Боголюбов». [61, с.15-17]

Принципиальное решение об учреждении пейзажного класса было принято в конце 1871-го года: «7 декабря 1871г. №2567. М.Г. Алексей Петрович! Совет И.А.Х. в заседании 19 минувшаго Ноября по выслушании предложения Вашего, М.Г., касательно учреждения при Академии класса пейзажной живописи, определил: предложить г.г. Членам Совета, профессорам-пейзажистам, составить правила для пейзажного класса и по окончательной разработке представить таковыя на утверждение, а вместе с тем поручить Конференц-Секретарю приискать удобное для класса помещение. О таком постановлении Совета сообщая Вам, М.Г., имею честь присовокупить, что о вышесказанном сообщаю вместе с сим и Г.г. Профессорам Воробьеву и Барону Клодту...В. Исеев». [62, с.17]

Проект Правил для пейзажного класса был составлен и представлен на рассмотрение Совета Академии: «Устройство пейзажного класса в Академии Художеств. 1, Класс должен быть просторный, не менее как в три окна с хорошим светом. 2, При классе имеются удобныя мольберты, столы, табуреты и попитры с ключем. 3, Для соблюдения чистоты и сохранения помещения особый благонадежный сторож. 4, Учебными пособиями пейзажного класса служат картины, заимствуемыя из зал Академии по требованию Профессора класса, сверх того класс должен иметь собственные картины, этюды и рисунки, приобретаемыя (нрб.) с разрешения Совета по требованию Профессора заведывающаго классом. 5, Пейзажный класс должен быть доступен в течении всего года, не исключая каникулярнаго времени, всем ученикам и вольнослушающим Академии Художеств, но с разрешения Инспектора пейзажного Профессора заведывающаго классом и живущаго в Академии. 6, Пейзажный профессор обязан бывать в классе не менее 2-х раз в неделю, все прочыя члены Совета имеют право бывать в классе ежедневно, для преподавания указаний и советов учащимся, по просьбе последних. 7, Кроме занятий в классе, пейзажный профессор обязан бывать, не менее одного месяца в летнее время, с учениками на практике с натуры, в окрестностях С.-Петербурга.

Профессор Барон Клодт. Профессор А. Боголюбов. Профессор С. Воробьев 11 февраля 1872г.». [63, с.20]

Советом Академии Проект правил пейзажного класса был рассмотрен. По рассмотрении Правил Советом было принято решение: «... по выслушании Совет постановляет: 1, Проект принять к исполнению в виде опыта с тем, чтобы класс этот был доступен для учеников всех отраслей искусства, желающих изучать пейзажную живопись; 2, Класс поместить в (нрб.) занимаемой Ресторатором Соколовым квартиры, котораго перевести в квартиру Бухгалтера... Распределение дежурств г.г. Профессоров-пейзажистов и составление подробных правил и порядка и времени занятий в классе, возложить на Правление Академии». [64, с.21]

Реальная работа пейзажного класса началась в конце 1872-го года, ко времени возвращения Владимира Орловского из-за границы: «г. Академику Черкасову. 11 Ноября 1872г. №2732. При (нрб.) Его И.В. Товар. Президента, об устройстве пейзажного класса при Академии, В.К. Владимир Александров. Приказать изволил: 1, устройство пейзажного класса и преподавание в нем поручить Профессору Барону Клодту. ... Правление Академии... предлагает: хозяйственную часть оного принять в Ваше заведывание на общем основании против специальных классов Академии. Исеев». [65, с.22]

1. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.

2. «Киевская старина». 1895г.Февраль.

3. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.

4. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

5. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

6. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

7. РГИА СПб. Ф. 789 оп.5 д.12 1865г. Дело канцелярии Императорской Академии Художеств. О выдаче пособий и билетов на посещение классов Академии бесплатно.

8. РГИА СПб. Ф.789 оп.4 д.4 1864г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. О выдаче ученикам Академии билетов на учительство. За 1864г.

9. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1863г. Санктпетербург. 1864г.

10. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1863г. Санктпетербург. 1864г.

11. Петров П. «Отечественная живопись за 100 лет». Ст. III (О русском пейзаже). «Северное сияние». Русский художественный альбом. Издаваемый Василием Генкелем. 1863г. т. II.

12. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

13. ОР РНБ, ф.82. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника.

14. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.

15. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.

16. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.
17. Ф.И. Булгаков. Альбом русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. Издание Ф.И. Булгакова и А.П. Коломнина. Санкт-Петербург, 1888г.
18. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1864г. СПб, 1865г.
19. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1864г. СПб, 1865г.
20. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1864г. СПб, 1865г.
21. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
22. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
23. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
24. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
25. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
26. Сазонова К.К. Владимир Донатович Орловский.1842-1914 // Русское искусство. Очерки о жизни творчестве художников второй половины XIX века. Т.II. Под редакцией А.И. Леонова. Государственное издательство «Искусство». Москва, 1971г.
27. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
28. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1865г. СПб, 1866г.
29. Отчет о действиях Комитета Общества Поощрения Художников. За 1866 и 1867г. СПб, 1868г.
30. Указатель постоянной художественной выставки Общества Поощрения художников. Апрель и Май 1866. Санктпетербург. 1865.(ценз.)
31. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
32. РГИА СПб. Ф. 472. Оп. 18 (111/988). – 1858. Д. 81. Об улучшении положения Императорской академии художеств и о составлении нового устава и штата оной.
33. РГИА СПб. Ф. 472. Оп. 18 (111/988). – 1858. Д. 81. Об улучшении положения Императорской академии художеств и о составлении нового устава и штата оной.
34. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской академии художеств. 1764–1914 [Ч. 1] СПб. 1914.
35. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.75 1867г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. По рапорту инспектора с отчетом экзаменов по наукам за 1864-1866г.
36. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.116 1869г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. О системах преподавания в учебных классах Академии.
37. РГИА СПб. Ф. 472. Оп. 18 (111/988). – 1858. Д. 81. Об улучшении положения Императорской академии художеств и о составлении нового устава и штата оной.
38. РГИА СПб. Ф. 472. Оп. 18 (111/988). – 1858. Д. 81. Об улучшении положения Императорской академии художеств и о составлении нового устава и штата оной.

39. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
40. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
41. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.97 1867г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. По просьбам о дозволении работать на золотыя медали и о награждении учеников золотыми и серебряными медалями, а равно и другими поощрениями за классныя работы.
42. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
43. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
44. РГИА СПб. Ф. 789 оп. 5 д. 164 1866г. Дело канцелярии Императорской Академии Художеств. О задаче программ на звания и на золотыя медали для конкурса в будущем 1867г. и объявлении о сроке конкурса.
45. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.94, 1868г. О выставке художественных произведений за 1867-1868 год и о продаже на ней билетов и указателей. Тут же о годичном собрании, бывшем 15 сентября 1868г.
46. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.39 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об отводе конкурентам мастерских и выдаче им пособия при исполнении программ на золотыя медали. 1 марта 1868г. – июнь 1868г.
47. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.94, 1868г. О выставке художественных произведений за 1867-1868 год и о продаже на ней билетов и указателей. Тут же о годичном собрании, бывшем 15 сентября 1868г.
48. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.94, 1868г. О выставке художественных произведений за 1867-1868 год и о продаже на ней билетов и указателей. Тут же о годичном собрании, бывшем 15 сентября 1868г.
49. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.211 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. О приобретении разных художественных работ и о принесении таковых в дар для Академии, равно о заказах вещей и друг. Предметов по музею.
50. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.108. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств О составлении новой инструкции для пенсионеров, отправляющихся за границу. 27 мая 1868г. 22 февраля 1869г.
51. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
52. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
53. ОР РНБ. Ф.796 Оп.2 №678. Тюменев И.Ф. Орловский Владимир Донатович. Письма к Павлу Алексеевичу Черкасову.
54. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
55. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
56. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
57. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.108. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств О составлении новой инструкции для пенсионеров, отправляющихся за границу. 27 мая 1868г. 22 февраля 1869г.
58. А.А. Федоров-Давыдов «Природа стиля» М. Изд. «Искусство» 1975г.

59. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

60. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

61. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

62. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

63. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

64. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

65. РГИА Ф.789 оп.6 д.103. 1868г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. Об учреждении при Императорской Академии Художеств класса пейзажной живописи. 13 Мая 1868г.– 11 Ноября 1872г.

Глава вторая

В декабре 1869-го года Владимир Орловский уже в Париже: «№28 24 декабря. Пенсионера Академии Владимира Орловского Прошение. Нашедши нужным для себя в деле усовершенствования в изучении пейзажной живописи остаться в Париже на неопределенное время, довожу об этом до сведения Правления Академии и вместе с тем почтительнейше прошу высылать мне мое пенсионерское содержание в Русское Посольство в Париже. Пенсионер Академии Владимир Орловский. Жительство имею: Paris. Rue Cornet 3». [1]

В мае следующего, 1870-го года Владимир Орловский присылает в Академию свой первый отчет: «№35. №967 В Правление Императорской Академии Художеств. В качестве Журнала за первые шесть месяцев пребывания моего за границей имею честь довести: По настоящее время на основании всего виденного я успел составить себе довольно точное понятие только о двух Европейских школах- Германской и Французской. С этой целью я осмотрел Королевский музей в Берлине и лучшие галереи в Дюссельдорфе, Кёльне, за (нрб.) Париже залы Люксембурга и Лувра, частные коммерческие картинные выставки и теперь наконец вижу Парижскую Годичную Выставку.

Думаю, что было бы излишним говорить что либо о старых художниках, как напр. Рюиздаль, Гоббем, Клод-Лоррен и другие. Мнение о них сложилось веками и приобрело такую прочность, что говорить что либо против, значило бы вызвать лишь возражения, а повторять говоренное уже сотни лет- нет цели. По этому, мне кажется логичным, сообщить лишь мысли о новом пейзажном искусстве. Известно всякому, что прежде натура пейзажистами изучалась мало. Достаточно было, чтобы дерево напоминало дерево, в камне, чтобы можно было узнать камень и т.д. В основании же картины лежала часто идея, которая и выкупала все недостатки. Естественно, что мало по малу такое направление изменилось. Стали требовать все более и более близкой(го) выполнения природы и этим путем, замечая, что пейзажное искусство движется вперед и по настоящее время. Из новых художников Калам первый сильно указал на необходимость, в смысле достижения этого, знания рисунка и уметь не идеализируя природы часто совместить в картине идею со строгой верностью натуре. Но увлекшись сильно формой и делая множество рисунков на камне, он незаметно ввел некоторую сухость в свое письмо. В результате начали появляться у него вещи писанные как то жидко, манерно, что в малых картинах было еще незаметно, но большим его произведениям сообщало зачастую некоторую общую слабость. Ученики его как Кастан и Шваан поняли это и начали писать в особенности последний очень широко. В то же время стал заметен в Германии Андрей Ахенбах, указавши совершенно иной путь в деле пейзажной живописи, в особенности техники. Заметь, что тонкое и нежное письмо (слабеет) всегда на выставках перед вещами, писанными широко, он создал целую систему писания пейзажа. Нужно было сначала набросить картину коричневым каким либо тоном, затем подготовить очень светло и густо, давши высохнуть лессирую и прописывая сверху жидко, пользоваться как только можно сделанной подготовкой, проскабливая ножём по лессировке все что можно, с тем ровно получались и поры в земле и камни, и листва в деревьях, рыхлость стен зданий, слоистость и мшистость старых свай на берегу моря, старость платья на его фигурах, (цвет) воды. Понятно, что такой метод повел к самой хотя и симпатичной но жалкой манериз(ме). Еще не столько его картины как его последователей, сделались полной жертвой этой фабрикации природы и не смотря на то что будучи часто по колориту очень сильные и в письме оконченные, все же далеки были от природы. Сам Ахенбах сознается теперь, что он манерен, но говорит что работает так потому, что подобная работа характеризует именно его личное «Я» за которое и платят ему громадные деньги. Такое направление для последователей его имело довольно грустные результаты. Уклонившись от природы раз, они почти что никогда не могли попасть на эту дорогу и оканчивали свое поприще не иначе, как дарови-

тыми или бездарными подражателями Ахенбаха. Вровень с Ахенбахом в Германии считаются немногие пейзажи Лессинга. Это исторический художник, который часто писал и пейзаж. Не занимаясь почти вовсе с натуры, естественно, что он не мог глубоко изучить её. Но обладая как видно теплой душой и сильным воображением, он зачастую писал удивительно поэтические картины, полные глубокого смысла и гармонии, редкой простоты и поэзии. Ещё как один из известнейших художников Германии- это Освальд Ахенбах. Наследовав метод писания картин от брата, он все же осторожнее пользуется им и зачастую с глубоким умением вводит все технические приемы в свою живопись. Увлечшись сильно гармонией красок, он забыл о простоте натуры. Мне случилось теперь видеть много его картин. Во всех прелестные тона, изящество в рисунке письма, но глядя на его вещи как-то трудно вспоминается натура- видишь её точно в своеобразном сне. Есть еще несколько немецких художников весьма дельных по моему мнению, но так как они умерли рано, или еще только начинают своё поприще, то положительного значения в Германской школе не имеют, и в искусство еще пока не внесли нового ничего. В Париже мне пришлось услышать гораздо более знаменитых имен и на первых порах желая возможно точнее постигнуть всю суть значения их в искусстве, я с жадностью бегал и искал везде их картин, смотрел, всматривался, и все же еще до сих пор не успел составить себе точного понятия о том, что лежит в основании стремлений французских художников. Заметно только сильно, что все здесь бьют на одно: хоть чемнибудь да быть бы оригинальным. Так как оригинально и верно вместе с тем посмотреть на природу очень трудно, то взамен этого здесь явилось бесконечное разнообразие в (деле) мысли- мотива. А в добавление к этому создано еще множество манер, достоинство которых многие понимают даже из художников, чуть ли не в том, что каждый на свой лад чуть ли не нарочно утрирует природу лишь во имя оригинальности. Начиная с Курбэ, прославленного Прудоном, который не работает почти кистью, который не пишет, а лепит из краски свои картины, впрочем часто очень хорошие, спрашиваю какую логику имеет такая живопись в основании. Он работает начиная с воздуха и воды и оканчивая фигурой и лодкой- всё шпателью. Я неотвергаю, можно работать чем угодно, ножом, кистью, шпателью, тряпкой, пальцем, но все же в основании должна лежать причина- более легкий и (верный?) способ подойти к природе; тогда как он, часто видишь, что нарочно недотронулся кистью, а предпочел даже оставить что либо неудовлетворительным, во имя только шика, оригинальности. То же можно сказать и о многих других художниках. Так, Коро пользуется здесь громадной славой и в то же время обладает лишь азбучными понятиями рельефа и рисунка. «Тридцать семь лет- он сам говорит никто у меня не купил ни одной картины, а потом разом закричали Коро, Коро, Коро и теперь плотят мне что я хочу. Можно бы было стать в тупик желая объяснить себе это, но здесь художники и нехудожники объясняют причину очень просто. Здесь говорят, что достаточно в четыре года написать одну замечательную картину, чтобы потом продавать дорого все, что ни сделаешь. И точно, из полусотни картин Коро, я увидел три весьма хороших. Рисунка и в них нет, но есть одна черта неведомая другим- это присутствие ну просто же натурального воздуха в картине. Между рамой и полотном видишь прежде слой живой атмосферы и за ним уже плохо написанные деревья, воду, траву и т.д. Ученик Коро Добиньи успел усвоить себе иногда эту черту, но только очень редко, хотя впрочем многие из его картин полны жизни, поэзии в мотиве и простоты в линиях композиции. За этим считают здесь Диаза еще великим мастером. Я видел его картины много но разделить этого мнения и до сих пор еще ни как не могу. Его картины представляются чем то вроде то хорошо то дурно рествированных произведений старой Французской и Итальянской школы, и в мысли и в письме часто почти отжилое, устарелое, изредка лишь напоминающее, какую-то своеобразную будто бы природу. Но теперь на выставке между тысяч картин мне удалось найти десяток произведений по истине редких. Почти все они принадлежат еще малоизвестным, молодым художникам как Аппиан, Созе, Рико и др. В них видишь одно стремление- как можно ближе подойти к природе. Такой решительности в красках, разумной свободы в письме, я и не вооб-

ражал. Работают вещи тоже замысловато. Зачастую изблизи разобрать трудно, что писано и что такое- но на известном расстоянии некоторые из них, чуть не оптический обман и только. Кажется, как будто одинаково сильно написаны и первый и последний планы, а между тем версты считать можно. В общем же они прочувствовали так что напр. мотив- внутренность леса в сырую погоду. Но можно не ошибаясь определить с утра ли это или по полудни. Разсматривая эти картины я твердо пришел к заключению, что натуру написать можно как её видишь без всяких условностей и теорий. Я мог бы сказать еще многое и о многих здешних художниках, но так как они уже более пишут перспективные вещи, корабли, пристани- как например Зиём, Изабей и др., что уже не в моем жанре, то и нахожу говорить о них излишним. И так, соображая все это я пришел к заключению, что по настоящее время художники пейзажисты делятся постоянно на две категории: одна увлекалась всегда идеей, мотивом, а другая пробовала и пробует фотографически передать натуру. Думаю, что всякая из них- крайность, всякая из них ошибалась преследуя таким образом исходную цель искусства только вполовину. Задача художника изображением предметов существующих в природе передать свою мысль. Иначе же он становится чем-то в роде фотографического объектива- не более. Думаю, что это известно давно уже всем, иначе не было бы столько композиторов. Но нужно сказать и то, что идею можно передать в легком эскизе, в десятке линий, личное воображение зрителя докончит остальное. Но тогда зачем же живопись, зачем искусство. Если мы смотрим на натуру, например на восход солнца, на движущуюся наносную тень от облака, то тут уже нет места для воспроизведения этого момента в уме, в воображении. Он целиком готов, его видишь как он есть и только. Думаю, что это исходная степень и в искусстве. Если художникам удастся когда либо, передать свою мысль, путем верного изображения предметов заимствованных из природы, не насилуя ни формы, ни цвета их, то полагаю, что это было бы высшим пределом искусства. Я неговорил еще о целом ряде теорий и учений разных, которые проповедуются каждым в особенности известным художником. Нахожу распространяться об этом излишним, так как это почти всегда уловка, которой стараются прикрыть свой недостаток. Так, Коро говорит что в натуре рисунка неважно, неважно ничего, только общее и общее, все мягко, ступешвано и ступешвано, поэтому он и не рисует ничего. Ахенбах проповедует, что дерево, не более как пятно в картине и нет надобности стараться передать характерную черту дерева, лишь бы было дерево и только. Обыкновенно слышишь, что нужно жирно писать, тепло, светло, сильно, легко, собирать свет в середину картины, или держать два, а в середине тень, даже три, четыре как советуют в Карлсруэ, так что такую композицию называли сами немцы (нем. Нрб.)-омь. Все это мне кажется педантическим вздором, несостоящим внимания. Что касается меня, то я извлекаю пользу из всего виденного преимущественно ту, что намерен избегать тех недостатков, которых немало в каждом художнике. Не видя их в картинах, и не сравнивая картины между собой, часто диаметрально противоположных по своим достоинствам и ошибкам,- трудно было бы остерегаться всего этого, тогда как при этом условии каждая картина – есть живое поучение и сильная критика и на самоё себя и на других. Относительно моих занятий, я должен сказать, что работаю уже давно, написал две большие картины, Гурзуф и Алуштинскую долину из своих этюдов Крыма, которые и послал в Россию. Теперь делаю несколько эскизов, и еще две довольно большие вещи, которые надеюсь кончить к нашей годичной академической выставке. Хочу вскоре отправиться на натуру и попробовать работать как можно проще с природы, чего недумалось прежде, слушая в России баснословных рассказы о гениях Европы пишущих густо, светло, чем и ничем, тремя красками или десятью и т.д. Теперь когда сам увидел, многое новое сложилось в голове, что хочется применить к делу. Пока я пользуюсь моими этюдами, сделанными в Крыму, а теперь намерен заняться преимущественно изучением природы. Мотивы же здесь собирать- думаю не стоит- они чужды и мне и России, да к тому же писаны и переписаны сто раз. Натура же и здесь как и везде, одни и те же законы света, строй дерева, склад земли,

все это одинаково везде. Пенсионер Академии Владимир Орловский. 7 мая 1870г. Boulevard Clichy 7. Paris». [2, с.37-38]

Донесение Владимира Орловского было в Академии рассмотрено и в целом одобрено: «26 мая 1870г. Ст.17 №39 Донесение пенсионера Академии, пейзажиста Владимира Орловского- о занятиях за границею: Орловский в течении первых 6 месяцев пребывания за границею осмотрел Королевский музей в Берлине, лучшие галереи в Дюссельдорфе, Кёльне, Париже, Люксембурге и Лувре, частные коммерческие выставки и годичную парижскую. Сообщил о известных пейзажистах Европы и их творениях, написал две большие картины, из своих этюдов Крыма, «Гурзуф и Алуштинская долина», которые и отправил в Россию. В настоящее время работает эскизы и две довольно большие картины к годичной академической выставке. Совет определяет: донесение пенсионера Орловского принять к сведению». [3]

Ведет Владимир Орловский и активную переписку с корреспондентами в России. О своих размышлениях, о поиске своего пути в искусстве более непринужденно он пишет своему коллеге, художнику П.А. Черкасову: «17 сентября 1870г. Versoit (близ Женевы). Милостивый государь Павел Алексеевич. Да не поставите мне в суд и осуждение, что я так долго ничего не писал Вам. ... является вопрос что писать? Полнейшее убожество в знании еще заграничной жизни, разочарование многим, что удалось и удается видеть в отношении всего и искусства в особенности. ... И по днесь стал еще на каком то распутье мыслей, жизни, и встаю и ложусь спать, вечно с думой по какой дороге лучше пойти, чем задаться, что преследовать изучая пейзаж, да так и до сих пор не порешил еще. Дело в том, что существующее искусство в Европе (пейзажное) мне кажется слишком в разлад идущим с натурой, а значить из выработанного всего в нем здешними художниками, многим поживиться нельзя, разве сделаться подражателем, да когда и того невозможно, во первых потому, что и сам же чувствуешь потребу высказаться, а во вторых- нет идеала, которым можно было бы руководствоваться как примером. (Все?) и мало неудовлетворяют меня.– так вот и видишь, что приходится прокладывать дорогу самому, а это ой ой как не легко». [4]

Владимир Орловский в переписке с Николаем Дмитриевичем Быковым. Н.Д. Быков образование получил в Императорской Академии Художеств и в молодости служил надзирателем при казенных учениках Академии, когда последняя была еще закрытым учебным заведением. Любовь к искусству развилась в нем как результат общения с молодыми художниками. Сделавшись впоследствии обладателем большого состояния, Быков начал приобретать произведения искусства, проявляя в выборе их большой вкус и знание. Быковым было приобретено немало произведений художников русской школы. Быков пользовался большой известностью среди художников и любителей искусства, состоял почетным вольным общником Академии Художеств, а также действительным членом Общества Поощрения Художеств. Нередко Быков помогал молодым художникам, если они нуждались в средствах для окончания начатых произведений. [5, с.162-163] [6, с.258]

В письме Н.Д. Быкову Владимир Орловский касается деловых вопросов- выставки, продажи своих картин, отправленных Быкову, вопросов профессиональных- состава красок, состояния картин после их пересылки: «...посылаю вместе. За эту только не совсе ручаюсь; писал я ее на каких то новых маслах, состав которых- секрет, мне их хвалили, да что то не верю я, боюсь чтобы картина не почернела. Положим, что я всегда готов исправить мои картины, если они изменяются, да все же знайте про все. К выставке я еще пришлю две, три вещи, если вздумаете переменить на которую из них, то напишите мне, если она продается на выставке, то я Вам повторю, (нрб.) – возьмите ее же....Жил я по делу в Париже, а теперь хочу проехаться еще по Европе посмотреть... 6-го марта 1870г. Париж. Адрес мой со 2-го Апреля Boulevard Clichy 7 Paris». [7]

Работа Владимира Орловского, видимо «Вид деревни Кокоз в Крыму», была представлена на выставке в Академии Художеств в 1870-м году, удостоившись, как уже было ука-

зано выше золотой медали Академии, и нелестного отзыва обозревателя журнала «Вестник Европы»: «Начнем с выставки в Академии Художеств, где можно встретить копию с жизни... По части пейзажа обратим внимание на крымский видъ г. Орловскаго потому собственно, что онъ получилъ первую золотую медаль. Общей мысли, общего эффекта нет, а есть две партии деревьев: одна партия округленных, wohlbelebte, консерваторов, которую нельзя не одобрить по красоте рисунка и тщательности отделки: и партия долговязых, тонких, некормленных деревьевъ- либералов, которые, воля ваша, едва ли не неряшливы несколько». [8, с.881]

Для лучшего понимания обстоятельств, в которых находились отправившиеся за границу академисты, следует учесть, что они оказались в Европе в период очередного международного кризиса- войны Франции с Пруссией, начавшейся 19 июля 1870-го года, последовавших за этим событий- Парижской коммуны, оккупации части Франции Прусской армией.

Эти события сильно осложнили жизнь и работу пенсионеров Академии в Европе: «3 августа №40 В Правление Императорской Академии художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловскаго. В посланном мною журнале в академию я заявил, что две картины мои будут высланы к Академической годичной Выставке. С целью последняго окончания их и отсылки, я оставил мои занятия на натуре и приехал в Париж. Но здесь от наших же русских художников, равно как и справившись в конторах транспортных узнал: что пересылка вещей теперь в Россию, по причине войны крайне дорога и затруднительна. Транспорты идут через Швейцарию или Англию и это тянется очень долго. Так как мои картины должны были бы выслаться свежо оконченными, то естественно, что пролежавши долгое время в ящике, в потьмах- они могли измениться сильно, да и еще едва-ли бы успели придти к выставке. Поэтому, дорожа мнением Академии и общества и нежелая рисковать им из-за какой либо временной случайности, я решился вовсе не посылать теперь мои картины,– о чем имею честь довести до сведения Академии. Пользуясь случаем, считаю не лишним сообщить, что до сих пор я писал этюды в Фон-тенеблоском лесу и в его окрестностях, где намерен провести и все остальное лето. Пенсионер Академии Владимир Орловский. Париж, 7 августа 1870 года». [9]

«23 сентября. №45 В Правление Императорской Академии Художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловскаго. В силу сложившихся ныне обстоятельств, бывши вынужденным поспешно выехать из Франции, я, оставя мою мастерскую и все вещи в Париже- и по днесъ остаюсь в нерешимости где поселиться для зимних занятий. Поэтому не имея еще новаго прочнаго места жительства, почтительнейше прошу Правление Академии, приостановить мне высылку моего третнего содержания, за сентябрьскую треть, впредь до сообщения мною новаго, точного адреса. Пенсионер Академии Владимир Орловский. 30-18 сентября 1870 года». [10]

Обстоятельства, заставившие Владимира Орловскаго срочно выехать из Парижа и из Франции хорошо известны- в результате ряда поражений французской армии прусские войска подошли к Парижу и начали его многодневную осаду, продолжавшуюся до 28 января 1871-го года. Поражения армии сопровождались шпиономанией как французских властей, так и во французском обществе, так что оставаться во Франции иностранцам было небезопасно.

В результате Владимир Орловский приезжает в Италию, в Рим. Кроме того, что Италия традиционно была местом, куда приезжали для работы пенсионеры Академии Художеств, Италия не принимала участия в Франко-Прусском конфликте: «30 октября №47. В Правление Императорской Академии художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловскаго. Находясь в настоящее время в Риме и намереваясь остаться здесь на неопределенное время, имею честь почтительнейше просить Правление Академии выслать мне третной пансион за сентябрьскую треть в Рим, а равно и на следующее время выслать по этому же адресу. Если же деньги свое-времененно уже высланы в Париж или вообще во Францию, то неоставить сообщить об этом. Пенсионер Академии Владимир Орловский». [11]

Из Рима Владимир Орловский присылает в Академию свой следующий отчет: «10 ноября. (1870) №49 В Правление Императорской Академии художеств. Пенсионера Академии

Владимира Орловского. Отчет. 28 октября настоящего года кончился ровно год со дня отправления меня за границу. Следуя букве Устава, имею честь почтительнейше представить Академии годовой отчет о своих художественных занятиях и путешествиях в течении года. За первые шесть месяцев, я по возможности старался сообщить об этом в своем журнале Академии и сколько помню говорил, что написал в первое же время две картины, которые и отослал в Россию на Постоянную выставку художественных произведений. Разсчитывая написать для нашей Академической Выставки еще новыя картины, я не позаботился и знать о том кем они куплены и где находятся. Затем я начал готовить еще две вещи из своих этюдов писанных в Крыму. Одна из них- берег Георгиевскаго Монастыря, а другая- Мотив изъ Алуштинской Долины. Полагая кончить их как раз к Выставке, я неторопился с работой, находя необходимым давать возможно больший срок для усушки. Таким образом подготовивши довольно окончено обе эти вещи, я отправился на натуру, в окрестности Парижа, в одну из деревень, окруженную живописнейшей частью Фонтенеблского леса Барбизон. Проработавъ месяца два, я возвратился в Париж, с целью окончить эти картины и отправить в Академию. Но вследствие начавшейся войны это сделать было уже почти невозможно. Видя, что посылать картины не придется, я решил, что не стоит заниматься и их окончанием, тратя дорогое летнее время, без спешной цели. Снимать же фотографии с картин в которых самая то суть и не сделана, или ради фотографий их окончить, я нашел неразсчетливым и нелогичным, и поэтому оставя их так отправился на натуру. Но обстоятельства начали принимать такой характер, что иностранцам было почти невозможно долго оставаться во Франции. Думая, что теперь или после, но нужно видеть всю Европу, я сообразил, что это чуть ли не удобнеее время и поэтому немедля отправился в Швейцарию. В Женеве только и есть один художественный музей- это в доме городской Ратуши и одна Постоянная выставка. В отношении пейзажа ни там, ни здесь, мне не пришлось видеть ничего замечательного. Картины Ридэ и Калама надо полагать из ранних их работ- не сильны. Современное же искусство стоит ниже, чем как можно было ожидать. З тем сделал несколько экскурсий в разныя стороны от Женевы, чтобы ознакомиться несколько со страной и ея характером, я поселился в одной из окрестных деревень, и работать пока можно было с натуры. Природа Швейцарии показалась мне слишком громадной, для того чтобы из нея можно было делать (верныя) и хорошия картины. Редкий мотив умещается в угол зрения. Взявши же его на дальней дистанции утрачивается присущий месту грандиозный характер. Теперь мне стало вполне понятно, почему Калам так сильно компановал все свои вещи- иначе я думаю писать Швейцарию с ея горами и озерами трудно. За тем, когда наступили дожди и холод и работать стало трудно, я отправился в Италию. Ходил в галереи Флоренции и Рима видел много величайших произведений искусства, но только не по отрасли пейзажа. Новейшее же искусство Италии далеко не может равняться с немецкой и Французской школами. Так как неизвестно как долго еще нельзя будет возвратиться в Париж, то я решился провести этот год здесь, зиму проработавши в Риме, а лето в окрестностях и близ Неаполя. Колорит здешней природы напоминает мне сильно Крым, только кажется, что сочетания тонов много тоньше и покойнее, в чем теперь еще не могу сказать ничего наверно- быть может это не более как издавна сложившееся понятие об Италии в уме, и мешающее верно видеть глазу. Проработавши одно лето, по этюдам в состоянии буду судить точнее. Во всяком случае разница не слишком велика и Крым живописностью своих (нрб) не много уступит Италии. Хотелось бы, чтобы наши русские пейзажисты занялись этой страной, т.е. Крымом, более и серьезнее равно как и Кавказом и вытеснили бы предвечныя понятия о незаменимости у нас Швейцарии и Италии, которые заставляють нашу публику восхищаться всем здесь и ничего невидет у себя. Нет, мне кажется, сколько я теперь судить могу Россия не уступит в своей живописности ни одной стране Европы уже просто же потому, что она вмещает в себя всех степеней климаты а вместе с ними и их природу. Полезно (прокатиться) думаю по всем странам Европы для того, чтобы лучше уметь ценить свое, и чтобы недоверяться на слово многим нашим соотечественникам,

которые только и знают что прославляют Запад, увлекшись им далеко не по тем причинам, которые они выставляют. Теперь я начал вновь две картины, мотивы взяты с берегов Женевского озера, из сделанных там этюдов. Всмотриваясь все более и более в состояние искусства в Европе, я прихожу все сильнее к убеждению, что хороших художников везде вообще процент небольшой, помогает же образовывать их, громадная их численность здесь вообще и сильный запрос, сильная потребность на художественные произведения существующая в обществе. У нас вот этого то только и нет, и наш образованный, ученый т.н. люд, вместо того, чтобы помогать нам, кистит нас как только может и старается разрушить и те немногие симпатии которые еще живут в Русской Публике. Впрочем, не скажу чтобы это делалось преднамеренно, я видел и здесь за границей многих русских таких же как и в России, которые сами ровно ничего не понимают, и при первой встрече, с художником, сейчас же стараются воспользоваться его мнением, да и то еще хорошо, а то я могу дать несколько примеров вроде того, что вошедши, чуть ли не впервые в храм Петра в Риме, один из наших педагогов, готовящийся в профессора Университета, классик, филолог еще, после первых десяти минут, занялся кручением папироски и хотел закурить её, в храме... Пенсионер Академии Владимир Орловский. 23-го-11-го ноября 1870 года. Рим». [12]

Находясь в Риме, Владимир Орловский ведет переписку с статс-секретарем Академии П.Ф. Исеевым о делах, связанных с пересылкой картин и организацией выставок: «27 февраля №59 Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Петр Федорович. Весьма прискорбно, но что же делать,— все невыгодно сложившиеся обстоятельства, невольно заставляют меня беспокоить Ваше Превосходительство моей всепокорнейшей просьбой.

Как Вам известно- война была причиной, что я не мог окончить для выставки, двух начатых мною картин, теряя вместе с тем и в материальном отношении. Теперь должен прибавить более: из Франции мне пришлось выехать внезапно, и не имея возможности перед выездом въехать в Париж, должен был на произвол судьбы оставить все этюды, лишен всякой возможности отказаться от нея, плачу таким образом в настоящее время за две- парижскую и в Риме. ... находясь тем более пред необходимостью выехать в начале мая на натуру,... распорядиться о высылке мне денег...». [13]

«7 марта №74 Ваше Превосходительство Милостивый Государь Петр Федорович. Узнавши из бумаги присланной Академией о скором приезде профессора Боголюбова для осмотра наших работ, я несколько приостановился с отсылкой моих картин на нашу Академическую выставку. Теперь же конченные две из многих я посылаю: один мотив воздуха и моря, а другой из Римской Кампаньи д. Аричи. При чем решаюсь почтительнейше просить Ваше Превосходительство обратить внимание на верную постановку их. Обе эти вещи требуют сильного света слева, какой я имел в мастерской у себя. Вместе с тем я пишу Академику Боткину, чтобы он потрудился выставить еще две из прежде отосланных в Петербург картин. Думаю, что некоторые художники видели их ненатянутыми и без рам, почему вероятно сделали заключение несколько строгое,— но надеюсь, что на выставке оне будут не хуже других. ... Апреля 1-го дня 1872 года. Рим». [14]

Судя по переписке, до начала следующего, 1872-го года Орловский остается в Италии.

В середине февраля через Флоренцию в Рим приезжает профессор Боголюбов, поселяется на Виа Болонья, встречается с Бронниковым, начинает работать в его мастерской. Боголюбов знакомится с работами пенсионеров, в том числе с работами Орловского. [15, с.55]

Обязанность познакомиться с работой и жизнью пенсионеров Академии Художеств была возложена на профессора Боголюбова Президентом Академии по инициативе конференц-секретаря Академии Исеева: «Докладная записка Конференц-Секретаря Императорской Академии Художеств. 18 января 1872г. О поручении Профессору Боголюбову обозреть деятельность пенсионеров Академии. Профессор Боголюбов, как Вашему Императорскому Высочеству Известно отъезжает за границу. Не изволите ли признать полезным возложить на Профес-

сора Боголюбова познакомиться с деятельностью пенсионеров Академии и сообщить Совету подробныя сведения о каждом из них: какими работами заняты и приносит ли им пользу заграничное пребывание и подтвердить всем пенсионерам о неуклонном исполнении обязанностей возлагаемых инструкциею. Конференц-Секретарь». [16, с.103]

К докладной записке был приложен список пенсионеров, с работой которых профессор Боголюбов должен был ознакомиться: «Список пенсионерам Императорской Академии Художеств. Месмахер Максимилиан Егорович, Архитектор. В Риме. Коссов Виктор Александрович, Архитектор. В Риме. Питерсон Людвиг Людвигович, Архитектор. В Риме. Попов Михаил Петрович, Скульптор. В Риме. Чижов Матвей Афанасьевич, скульптор. В Риме. Харламов Алексей Алексеевич, Исторический живописец. В Гааге. Шмелинг Рейнгольд Егорович, Архитектор. В Риме. Орловский Владимир Донатович, Пейзажист. В Риме. Семирадский Генрих Ипполитович, Исторический живописец. Мюнхен. Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич, Жанрист. Дюссельдорф». [17, с.105]

В марте 1872-го года Боголюбов пишет из Рима товарищу президента Академии Художеств. В письме сообщает о художественной жизни в Риме, деятельности русских художников и архитекторов, подробно описывает их работы: «№693 27 марта 1872. Ваше Императорское Высочество. Не совершенно восстановленное здоровье не дозволило мне исполнить скорее мое поручение касательно пенсионеров Академии, которое ныне имею честь представить на Ваше милостивое рассмотрение... <...> Рим, 25 марта 1872г.

Ваше Императорское Высочество! Желая исполнить в точности возложенное на меня лестное поручение посетить за границую всех пенсионеров Академии Художеств, я должен был на мое знакомство с ними употребить некоторое время, чем и оправдываю проистекшее замедление в моем отчете. Всех пенсионеров в Риме оказалось семь: четыре архитектора, два скульптора и один пейзажист. (7.) Пенсионер Пейзажист г. Орловский. Г-на Орловскаго тому назад год и восемь месяцев как я оставил в Париже, куда он только что приехал из России, по получении звания пенсионера. Встретив его здесь и посетив его мастерскую, я нашел в ней шесть начатых картин из коих две ныне уже отосланы в Академию Художеств для заявления о его деятельности, а другие очень близки к окончанию. Но труд г. Орловскаго более обозначается в этюдах, которых насчитываю до пятидесяти, из коих половина очень доброкачественны. Считая г. Орловскаго своим учеником, я смотрю на работы его с (полною?) строгостью и смею сказать, что он обладает большим талантом, но по несчастной кипучей своей натуре хочет сделать вдруг слишком много, что всегда бывает нехорошо. Так работал некогда и я сам, пока не оставил Италию и не поехал учиться серьезно на север Европы, во Францию или Германию глядя на мастеров, покойно преданных своему делу и не раздражающихся постоянно прекрасною природой Италии, но разрабатывающих ее с сделанных этюдов в мастерских (которых нрб. просвещенных). Результат слов моих давно оправдывается, ибо кроме г. Усси во Флоренции и Морелли я не знаю ни одного замечательнаго художника в Италии. <...> Вследствие чего, по совету моему г.Орловский намерен ехать прежде на этюды, а потом на зиму опять поселится в Париже, где под влиянием глубоких пейзажистов, каковы Юлий Дюпре, Добиньи, Коро и прочие, может серьезно вникнуть в исполнение и простоту картины, а также обратить внимание на серьезный колорит, составляющий неоспоримо превосходный отпечаток французской школы. В заключение должен сказать, что г. Орловский находится в переходном состоянии своего художества, но обладая (непреодолимым) желанием идти вперед, следуя этому пути, дает собою ожидаемый хороший результат и тем оправдает себя в своем замедленном отчете перед Академиею». [18, с.116-117]

Коснулся в своем отчете А. П. Боголюбов и жизни пенсионеров Академии Художеств за границей: «Сказав о художественной деятельности гг. пенсионеров Академии Художеств, считаю своим долгом доложить Вашему Высочеству о их нравственной стороне жизни. По собранным мною сведениям от лиц весьма серьезных я только мог слышать самыя лестныя

отзывы о их поведении в обществе, куда они вообще очень мало являются но более уделяют времени своему труду или семейной жизни, ибо трое из них женаты и имеют детей. Сравнивая былое время когда я был пенсионером с настоящим, Академия Художеств может вполне гордиться нынешним комплектом своих пенсионеров за границую, которые благодаря Бога проживают здесь разумно, не чувствуя над собой никакого начальства, которое не будучи никогда художниками, только имело над ними полицейскую власть и тем портило нашу нравственность, давая повод рассчитывать, что если кто из нас попадет в полицию то в попечителе он найдет защитника и избавителя. Быть может, Ваше Высочество может усумниться в справедливости моих слов, но к сожалению я говорю правду, подтвержденную горькими примерами погибших даровитых моих товарищей в лице: Тимашевского, Крюкова, Давыдова и многих других». [19, с.118]

В июне 1872-го года Владимир Орловский получает предупреждение, что трех-летний срок его пребывания за границей заканчивается, и он должен определиться, где он проведет время своего пенсионерства в России: «14 июня 1872 №1872 №81 Владимир Донатович! На основании утвержденной Советом Академии инструкции пенсионерам... первые три года пенсионерства путешествуют за границей, а остальное за этим время по России. Имея в виду, 1-го будущего сентября минет трехлетний срок пребывания Вашего за границую... прошу уведомить меня о месте, в котором могли бы Вы поселиться на первое время... Иссеев». [20]

Владимир Орловский ходатайствует о продлении срока своего пребывания за границей: «18 июля. №85. Ваше Превосходительство Милостивый Государь Петр Федорович. Имевши в виду, что Академия всегда была очень снисходительна в отношении выполнения существовавших правил пенсионерами, зная что многие наши самые лучшие художники пейзажисты, как Профессора Боголюбов, Барон Клодт, Лагорио, Дюкер и др. выбыли все шесть лет за границей без всякого сопротивления со стороны Академии, я полагал, что и мне это дозволено будет, тем более, что намереваясь предаться преимущественно изучению моря, я здесь имею для этого все средства под рукой, начиная с теплого климата, дающего возможность делать студии в случае нужды и зимой, – до самой мастерской, которую могу иметь в Porto Danzo, с окном на море и побережье, полное лодок, судов и всяких деталей, нужных в этом жанре. Профессор Боголюбов того же мнения, что мне не мешало бы провести некоторое время здесь. Таким образом, затеявши некоторые работы, которые оставить теперь крайне убыточно и жалко, продолжать же их в России не имея под рукой ни природы, ни моделей, не имея никакой возможности, я решаюсь почтительнейше просить Ваше Превосходительство, заявить мою просьбу в Совет Академии, дозволить мне остаться по крайней мере эту зиму еще за границей. За тем получивши выездные в мае месяце, я по дороге намерен осмотреть еще некоторые галереи, которые не видел, ровно как и Всемирную Венскую Выставку... и тогда возвращусь в Россию, что будет гораздо выгоднее для меня, чем вторично хлопотать в Апреле о поездке в Вену. И так оставаясь в полной надежде на милостивое ходатайство Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить принять уверение в совершенном почтении Пенсионер Академии Владимир Орловский». [21]

Разрешения продлить срок своего пребывания за границей Владимир Орловский не получил: «19 июля 1872 №2052 №87. Его высокобл. В.Д. Орловскому. М.Г. Владимир Донатович. Письмо Ваше от 18 июля я имел честь докладывать Его Имп. Выс. Товарищу Президента, который поручить соизволил сообщить Вам, М.Г., что его Выс. ни под какими не (нрб). на дальнейшее пребывание Ваше за границую и предлагает Вам поспешить возвращением сюда. Сообща Вам, М.Г. вот (сии?) известия, я спешил (нрб.) и присовокупить что (далее я неправомочен?) высылать Вам более пенсионерское содержание за границей. Примите М.Г. и пр.». [22]

Своим впечатлением от вызова в Россию Владимир Орловский откровенно делится с товарищем, Павлом Алексеевичем Черкасовым: «14 октября 1872г. Porto D Anzio (Италия). ... 25/13 июля я получил от Петра Федоровича письмо – ответ на мою просьбу дозволить остаться

мне долее трех лет за границей такого содержания: «Письмо ваше от 18-го июля я имел честь докладывать Его Императорскому Высочеству Товарищу Президента, который поручил мне изволит сообщить Вам, Милостивый Государь, что Его Высочество ни под каким видом не соглашается на дальнейшее пребывание Ваше за границей и предлагает Вам поспешить возвращением сюда. Сообщая Вам, Милостивый Государь, волю Его Высочества, я считаю обязанностью присовокупить, что за тем я не имею права высылать Вам более пенсионерского содержания за границу». Чего «Поспешить сюда»— понять не могу. Будьте любезны, разрешите этот вопрос. Вам, знающему всю суть наших дряг, будучи там на месте— ничего не стоит это. ... Вероятно, кто либо повел подкоп под меня. ... Только об одном прошу: сообщите самое достоверное, чтобы не ввести меня в заблуждение, а то пожалуй воротишься туда «сюда» да и там ничего не дадут, а деньги на дорогу растеряешь и здесь все связи и все разрушишь. Я убежден, что Его Высочеству я ненужен. Раз как-то им была заказана картина после получения 1-й Золотой, да и то как-то Алексей Петрович невинно замял «После, после, сказал, еще успеет». Так и осталось до сих пор. Мне приходит в голову еще что: Нет ли каверзы на меня посторонней? Не грозит ли что в Академии? Здесь за границей встречаешься с разными Русскими, а кто они,— и бес не разберет. Знаю, что между ними много эмигрантов и поляков и так всякой сволочи, но много и шпионов, а тут по неволе язык разучишься держать на привязи, не сболтнул ли что какому чорту, а тот и воспользовался, и наклеветал. ... Да только не припомню, чтобы говорил что нибудь такое». [23]

Владимир Орловский посылает в Академию последний, краткий отчет о своей работе, но продолжает убеждать руководство Академии в том, что провести еще некоторое время за границей отвечало бы целям, с которыми он послан в заграничную поездку— усовершенствовать мастерство художника: «№1660 13 августа №88. В Правление Императорской Академии Художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловского. Отчет. Полагая, что за первую половину настоящего Академического года, Совет Академии о моих занятиях имеет самые точные сведения из отчета Профессора Боголюбова, я находя излишним вторично говорить о них, имею честь довести до сведения Академии лишь о работах остального времени. С 1 Апреля я занимаюсь на натуре. Вначале был в Porta Danzio, где делал этюды моря, берегов и суден. Нашедши здесь для этого удобства, как нигде еще не встречал, я хотел остаться целое лето, но по обстоятельствам не зависящим от меня должен был вскоре оставить это место и переселиться в Неттуно, где продолжал заниматься изучением берегов и воды. За тем, с наступлением летних жаров, когда жить здесь по причине лихорадок становится опасно, я отправился внутрь страны и продолжаю работать в Олевано и Аричи. Теперь же заявляя в особом донесении Господину Конференц Секретарю о некоторых причинах поставляющих меня в крайне затруднительное положение относительно продолжения работы, жду решения Совета Академии. Пенсионер Академии Владимир Орловский. 14/2 Августа 1872 года». [24]

«№1661 13 августа №89 Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Петр Федорович. На письмо полученное мною касательно сроков моего возвращения в Россию, я имею честь немедленно отвечать. Не имея по настоящее время никаких дальнейших сведений, полагая, что письмо мое могло затеряться в дороге, считаю нужным повторить мое объяснение. Имевши въ виду, что Академия всегда была очень снисходительна, в отношении точного выполнения существующих правил пансионерами Академии, ... я решаюсь почтительнейше просить Ваше превосходительство, сделать в Совете Академии это заявление, в надежде, что мне разрешено будет в крайнемъ случае, хоть эту зиму еще провести за границей. Но я бы счастлив быть, если бы Академия дозволила мне самому распорядиться остальным пансионерским временем. ... Я и сам, во всяком случае, не рассчитывал остаться все шесть лет за границей, но имея на это право, думалось бы и работалось как то покойнее. ... Проводя же эту зиму в Киеве, я не успею сделать многого, а учиться там зимой и не у кого, и не на чем. Очутившись в Киеве сам один, не имея ни общества художников, ни природы пред глазами, не имея воз-

возможности ни с кем посоветоваться, ни на чем бы мог проверить себя- будет мне очень трудно работать, а тем более из Итальянских этюдов. Киев моя родина, и я знаю этот город прекрасно. Знаю что там трудно работать художнику. Нужна ли рама, краски ли, полотно или другие какие снадобья, все это трудно достать, дорого и плохо, а с моделями- целая комиссия. Со временем, когда там будут жить по несколько молодых пансионеров, будет недурно, теперь же одному там жить и работать успешно- очень трудно. Все лучшие произведения наших художников были сделаны в Европе, среди мира искусства. Иностранные же мастера, в особенности же пейзажисты руководствуются чаще всего натурой, работая свои картины, чему примерами Курбэ, Добиньи, Дюпрэ, Миле и др. ... 14/2 августа 1872 года». [25]

Хлопоты о продлении пребывания за границей, результата не принесли, и Владимир Орловский возвращается в Россию: «№1673 №91 16 августа. Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Петр Федорович. Предполагая с возможной скоростью отправиться в обратный путь в Россию, имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о высылке мне путевых денег по пар. Седьмому инструкции пансионерам при возвращении. Пансионер Академии Владимир Орловский. 20/8 августа 1872 года». [26]

Отказ в продлении срока пребывания за границей мог быть связан также с тем, что уже после отъезда Владимира Орловского из России была принята новая инструкция для пенсионеров: «№92 Инструкция Пенсионерам Императорской Академии Художеств, Посылаемым за границу для усовершенствования в искусстве. Утверждена... 13 марта 1870 года... 4. Жанристы, баталисты и пейзажисты, по возвращении из за границы, путешествуют три года по России, и в течении зимних месяцев этих трех лет имеют пребывание в Киеве, где получают бесплатныя мастерския. 13. По жанру, баталической живописи и пейзажу: в) ...в остальные три года путешествия по России пенсионеры жанра, баталической живописи и пейзажа обязаны представить по одной оригинальной картине из русской жизни и природы». [27, с.88]

Интересно, что Киев, как место, где Владимир Орловский должен провести оставшееся время своего пенсионерства, определен не случайно. Имел место план создания в Киеве второго, южного художественного центра России, наряду с имеющимся уже таким центром в Санкт-Петербурге. Планировалось также по возможности отказаться от направления выпускников Академии за границу, что, по мнению ряда руководителей Академии и высокопоставленных лиц, имело целый ряд негативных последствий.

В своем отзыве на Записку графа Григория Сергеевича Строганова, поданную по этому вопросу, конференц-секретарь Академии Художеств П.Ф. Исеев пишет: «Записка графа Григория Сергеевича Строганова, поданная Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владимиру Александровичу, Товарищу Президента Императорской Академии Художеств. Об учреждении в Киеве постоянного местопребывания пенсионеров Академии и об устройстве там Рисовальной школы. После небольшого исторического вступления, об историческом значении города Киева, Гр. Строганов продолжает: Киев обладает многими Русскими историческими памятниками... В С-т Петербурге существует Академия Художеств, история деятельности которой вполне известна; но к несчастью грустный климат Петербургский не может не действовать вредно на эту Академию; короткое пребывание солнечного света, полное отсутствие онаго в продолжение большей половины года, ...для привольной жизни художеств необходимы: изящная природа, роскошная растительность, а прежде всего солнце, чем больше, тем лучше. ... оставим Академию Художеств в Петербурге, но почему же Правительство не воспользуется местностью более одаренною красотою природы, основав в Киеве школу живописи, которая могла бы быть разветвлением Петербургской Академии художеств.

Заметки Конференц-Секретаря. Предложение графа Строганова не заключает в себе ничего нового. В Совете Императорской Академии Художеств уже давно заявлено было о необходимости изменить порядок отправления пенсионеров за границу; уже признана была необходимость с одной стороны сократить время первоначально определенное для заграничного пре-

бывания, с другой направить деятельность художников на изучение русской природы, жизни и истории. Наконец и самый надзор за ними установить на началах более рациональных. Первые попытки к осуществлению этих мыслей заключались в том, что вменено было в обязанность всем пейзажистам и жанристам из 6 лет пенсионерского срока, три года быть за границей и три года путешествовать в России, без определения места их постоянного пребывания;... В настоящее время в Императорской Академии Художеств не преподаются языки, тогда как прежде на них обращалось преимущественное внимание; в этом особенно поражает обстоятельство, что преподавание языков отменено одновременно с присвоением Академии права посылать ежегодно за границу учеников, получивших 1-ю золотую медаль по конкурсу. Последствия этой меры не замедлили сказаться на наших пенсионерах. Многие из них, приезжая за границу и не зная ни одного языка, не могут пользоваться ни книгами, ни услугами других. И вот бедный пенсионер ждет когонибудь из своих товарищей, чтобы хоть немного ознакомиться с художественными хранилищами. ... В продолжении десяти лет Академия уже достаточно имела опыта, чтобы убедиться какое влияние имеет на наших художников продолжительное житье за границей - в отношении выбора сюжетов для художественных произведений. На каждой выставке красуются произведения наших пенсионеров; специалисты-художники восхищаются ими; любители-знатоки тоже. Первые обращают внимание исключительно на композицию, рисунок и колорит; вторые напротив не упускают из вида и сюжета. Первые не покупают картин никогда, а вторые не приобретают, потому что все изображаемое совершенно чуждо им. В самом деле в художественных произведениях наших пенсионеров мы видим только историю других народов, жизнь чуждую нам и природу, нетрогающую нас за живое, за родное. Результат такого порядка выходит тот, что покупка художественных произведений наших пенсионеров обратилась в монополию двух, трех богачей, которые, бывая часто за границей, свыкаются, или лучше сказать входят во вкус всей заграничной обстановки. Да и те не всегда прельщаются красотами рисунка, колорита и сценами из чуждой нам истории. Примером может служить картина Профессора Верещагина «Григорий Великий». Само собою разумеется, что при этих обстоятельствах Академия никогда не может положить начала самостоятельной Русской школы. Наконец продолжительное житье за границей наших пенсионеров имеет еще и то прискорбное последствие, что оно отчуждает их и зачастую совершенно от России, от семьи и от художественного Русского мира. Многие из них окончив срок своего пенсионерства, в продолжении которого они изредка давали знать о своем существовании, остаются за границей продолжительное время и даже навсегда. Таким образом Академия образовывает художников не для России, о которой они не имеют никакого понятия, а для других государств. Можно сказать, что Академия способствует отчуждению наших лучших художников от России. Все вышеизложенные соображения служат основанием к тому, чтобы сочувствовать всею душою предложению Графа Строганова». [28, с.1-4]

В то же время в учреждение в Киеве филиала Академии Художеств и отказ от заграничных поездок для учеников Академии руководство Академии видело и немалые трудности: «В настоящее время каждый пенсионер стоит Государству 2200 червонцев, т.е. 6798 руб. серебром. Сумма огромная, но разделенная на шесть лет, с издержками на путь в оба конца, она недостаточна даже и для заграничной жизни, где студии всегда можно иметь за гораздо дешевле плату, чем у нас. Да и самая жизнь стоит несравненно менее. Последствием этого стесненного положения пенсионеров, особенно художников исторических, бывает то, что они заняты работами для насущного хлеба, отвлекаются совершенно от цели своего заграничного пребывания». [29, с. 4-5]

Признав, в целом, полезность изложенной в записке графа Строганова идеи, к окончательному решению об учреждении в Киеве филиала Академии Художеств Совет Академии не пришел. Хотя Киев в этом качестве, как будет видно ниже, и рассматривался. Не было принято и решения отказаться от заграничных поездок для пенсионеров. В то же время было решено

сократить время пребывания за границей художников по жанрам жанра и пейзажа, почему, видимо, и было отказано Владимиру Орловскому в продлении пребывания его за границей: «Заседание 7 Января 1870г. Проект Определения Совета по записке Графа Г.Г. Строганова. По живописи жанра и пейзажа. Хотя каждому художнику, к какой бы отрасли искусства не принадлежал он, необходимо для полноты художественного образования осмотреть и ознакомиться с художественными произведениями всех школ; но само-собою разумеется, что по некоторым отраслям это ознакомление может быть менее продолжительно, чем по живописи исторической; к таковой категории могут быть отнесены живописцы жанра и пейзажа. Как тем, так и другим, необходимо изучить Россию в историко-этнографическом и климатическом условиях; с этою целью нужно дать им средства путешествовать по России. Все вышеизложенное было уже принято в соображение при составлении Устава 1859 года, по которому жанристы и пейзажисты должны быть за границую три года и три года путешествовать по России; но так как при этом не было определено места, куда бы пенсионеры собирались собственно для работы, (не было установлено обязательного правила чтобы пенсионеры жанра и пейзажа особенно занимались изучением русской жизни и природы) то почти все они путешествовали по России, без всякой пользы для жанра и пейзажа русского, и, живя в России первые три года или приезжая в нее в течении шести лет несколько раз, отправлялись работать за границу и воспроизводили все-таки картины иностранного пейзажа и жанра. В виду этого было бы весьма полезно выбрать для художников жанра и пейзажа один из городов России, который по своим климатическим условиям, удобствам и дешевизне жизни наиболее соответствовал бы потребностям художников жанра и пейзажа». [30, с. 88]

1. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
2. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
3. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
4. ОР РНБ. Ф.796 Оп.2 №678. Тюменев И.Ф. Орловский Владимир Донатович. Письма к Павлу Алексеевичу Черкасову.
5. «Художественные Новости» 1894 г., № 6.
6. «Всемирная Иллюстрация» 1889 г. № 793.
7. ОР РНБ Ф.124 №3193 Собрание П.Л. Вакселя. Орловский Владимир Донатович. 1870г. Письма к Николаю Дмитриевичу Быкову.
8. Вестник Европы. Журнал Истории, Политики, Литературы. 1870г. Книга 1.
9. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
10. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
11. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
12. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
13. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
14. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.
15. ИРЛИ(Пушкинский дом) СПб. ОР ф.365 оп.1 д.15.
16. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.42 лит. Б. Дело Канцелярии Императорской Академии художеств. Боголюбов Алексей Петрович. Началось 28 августа 1852г.

17. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.42 лит. Б. Дело Канцелярии Императорской Академии художеств. Боголюбов Алексей Петрович. Началось 28 августа 1852г.

18. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.42 лит. Б. Дело Канцелярии Императорской Академии художеств. Боголюбов Алексей Петрович. Началось 28 августа 1852г.

19. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.42 лит. Б. Дело Канцелярии Императорской Академии художеств. Боголюбов Алексей Петрович. Началось 28 августа 1852г.

20. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

21. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

22. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

23. ОР РНБ Ф.796 Оп.2 №678. Тюменев И.Ф. Орловский Владимир Донатович. Письма к Павлу Алексеевичу Черкасову.

24. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

25. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

26. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

27. РГИА СПб. Ф.789 оп.14 д.14 «О». Дело Канцелярии Императорской Академии Художеств. Орловский Владимир Донатов. 13 октября 1864- 6 июля 1914г.

28. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.219 1869г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. По вопросу об основании в Киеве главного центра местопребывания пенсионеров ИАХ и об учреждении в этом городе Рисовальной школы.

29. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.219 1869г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. По вопросу об основании в Киеве главного центра местопребывания пенсионеров ИАХ и об учреждении в этом городе Рисовальной школы.

30. РГИА СПб. Ф.789 оп.6 д.219 1869г. Дело Правления Императорской Академии Художеств. По вопросу об основании в Киеве главного центра местопребывания пенсионеров ИАХ и об учреждении в этом городе Рисовальной школы

Глава третья

В декабре 1872-го года Владимир Орловский уже в России: «№2948 7 декабря 1872 №106 В канцелярию Г. С-Петербургского Обер-Полицмейстера (по иностр. Отдел.) Правление ИАХ имеет честь препроводить при сем обратно заграничный паспорт возвратившагося из-за границы пенсионера Академии Владимира Орловскаго, выданный 25 октября 1869г. за №4660. Конференц Секретарь Исеев». [1]

На выставке Академии художеств Владимир Орловский в 1872-м году представляет две свои работы: «Орловский, Владимир Донатович. Пенсионер Академии. 303. Морской вид. 303. (bis) Из Римской Компаньи д. Ариччи». [2, с.3]

Вскоре после своего возвращения Орловский представляет одну из своих работ на выставке Общества Поощрения художников. Весьма авторитетное жюри присуждает ему за эту работу вторую премию: «По примеру прошлых лет 1-го Марта, была открыта выставка картин, присылаемых г.г. художниками на конкурс. Для обсуждения достоинства произведений и присуждения им премий, Комитетом составлен был жюри из 12 членов. Приглашены были из г.г. художников Профессора: Г. Иордан, Бруни, Неф, Гун, Клодт 1-й, Келлер и Верещагин; из Г.г. Академиков: Гох, Чистяков, Горавский, Боткин и Клодт 2-й. ... 10-го Марта производилась баллотировка премий. Первую премию по ландшафтной живописи в 1000 руб., назначенную Графом Строгановым, получил г. Васильев за картину «Южный берег Крыма в зимнее время». Вторую премию по ландшафту в 200 руб., назначенную Обществом, получил г. Орловский за картину «Прибой». [3, с.6]

При этом, как сообщает в письме Ф. Васильеву И.Н. Крамской, «... я узнал что было много голосов за то, чтобы дать первую Орловскому». [4]

В конце 1874-го года В.Д. Орловский получает звание Академика: «Санкт-Петербургская Императорская Академия Художеств за отличные познания в пейзажной живописи признает и почитает пенсионера Владимира Донатовича Орловскаго своим Академиком с правами и преимуществами в установлениях Академии предписанными. Дано в С. Петербурге за подписанием Президента и с приложением печати 1874г. ноября 4 дня. Товарищ Президента Владимир». [5]

Одну из его работ приобретают для музея Академии: «№126 16 января 1875г. Ассигновка. ... выдать Академику Орловскому 1000 руб. за приобретенную у него, для музея Академии, картину: Лесной сруб; согласно прилагаемым документам». [6]

В феврале 1875-го года Владимир Орловский обращается с ходатайством- разрешить ему выехать для продолжения работы за границу, и разрешение ему было дано: «№307 №129 Его Превосходительству Господину Конференц Секретарю Императорской Академии Художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловскаго. Разсчитывая в настоящем году продолжить заниматься изучением моря и судов, я находя в этом отношении самыми удобными некоторыя из побережий морских в Италии, желал бы с этой целью отправиться за границу. О чем сообщая Вашему Превосходительству, обращаюсь с покорнейшей просьбой, исходатайствовать у Его Императорскаго Высочества Товарища Президента на такую поездку разрешение. Пенсионер Академии Владимир Орловский. 21-го февраля 1875 года. Резолюция: Разрешаю». [7]

И в апреле 1875-го года Орловский снова в Италии: «№134 В Правление Императорской Академии Художеств. Пенсионера Академии Владимира Орловскаго. Предполагая все предстоящее лето провести в занятиях в окрестностях Рима, имею честь покорнейше просить Правление Академии выслать мне мой третной пенсион в Рим на имя пенсионера Владимира Семирадскаго, для передачи мне... Пенсионер Академии В. Орловский 18/30 апреля 1875г. Адрес: Via Condotti Cafengreico Roma». [8]

Срок пенсионерства Владимира Орловского заканчивался в 1875-м году, но по ходатайству Президента Академии (1852-1876), Великой Княгини Марии Николаевны, срок был продлен еще на один год: «№1174 Министерство Императорского Двора. №139 В С.-Петербурге. 21 июля 1875 года. Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему ходатайства Вашего Высочества, высочайше повелеть соизволил: пенсионеру Академии по пейзажной живописи Владимиру Орловскому, продолжить производство пенсионерского содержания еще на один год из Государственного Казначейства... Министр Императорского Двора». [9]

В сентябре того же 1875-го года А.Д. Орловский приезжает для работы во Францию, в Париж: «№1443 22 сентября №140 В Правление Императорской Академии Художеств. Предполагая, по окончании моих летних работ, в первых числах Октября, отправиться в Париж... Пенсионер Академии Владимир Орловский. 11-го сентября 1875 года». [10]

Из Парижа, в 1876-м году, Владимир Орловский пишет известному собирателю художественных произведений русских художников Н.Д. Быкову. В письме Орловский касается деловых вопросов- продажи своих картин. Делится своими впечатлениями от знакомства с живописью европейских художников, считая, что Н.Д. Быкову это будет интересно: «Принося Вам, Николай Дмитриевич глубокую благодарность за Ваше любезное внимание и память ко мне, вместе с тем спешу и отвечать Вам. Меня ни сколько не удивило, что съ моими картинами случилось иначе, как я рассчитывал. Начну с того, будучи сам несколько недоволен ими, так как я торопился их писать, имея в виду конкурс и попутку в Германию, я полагал, что легко может стать, что они не понравятся и Вам. По этому я написал Г. Григоровичу, что в таком случае их можно продать. Цену же повысил потому, что Вам я обещал за 300 рублей сделать картину, раму же Вы хотели сделать сами, потому же тогда бы я (нрб.) и других разных издержек, которые в этом случае оказались. Рассчитывая на все это, я думал, что поступил совершенно логично набавив какую сотню рублей (нрб.). Условием написать картину в 300р. я только и обязан был относительно Вас. Других же покупателей я не знаю т.е. не имею с ними никакого уговора, по этому с ними быть могут и новые расчеты. Так, думаю, что причина ошибки частью в том, что Иванов не застал Вас дома, частью в том, что в четыре дня Картины уже успели продаться. Если бы я сам был в Петербурге, то конечно нашел бы возможность поступить (иначе?). Но отсюда это делать трудно, тем более что я имею право только просить людей поступить так и так, но не более. Тоже: каково бы было если бы Д.В. Григорович в ожидании Вас не продал моих картин а Вы бы увидели их и сказали- не нравятся- и только. Вещь бы осталась до новаго случая. Тут я может быть и был бы вразумителен, но другой пожалуй мог и (нрб.) в особенности если бы имел нужду еще в деньгах. По этому, думаю, что и Г. Григорович поступил так основательно. Ведь вот и теперь Вы и сами пишете что «в третьих может и картины покажутся Вам иначе»-. Наконец я могу легко исправить эту ошибку. У меня есть этюд и эскиз желанной Вам картины, я могу и даже успешно повторить её. Конечно, что точь в точь сделать как та картина была я не берусь, потому что быть копиистом своего эскиза довольно мучительно. Тогда я думал так, так компоновал и писал. А когда написал, то увидел недостатки, которые переделывать не хотел, потому что времени не было. Значить теперь если бы я стал писать ту же картину, то конечно, что сделал бы некоторые изменения- а именно, написал бы гораздо проще воздух; к такому сложному мотиву как (низь?) такой же сложный воздух негодится. Одно мешает другому. Написал же его там таким потому, что такой случилось видеть в натуре. Увлёкся и неразбирая долго в первую же картину и поместил его. У меня был проект поездки в Италию и в этом году кажется удастся его исполнить, потому что сделать хочется много, и для годичной выставки в Академию, да и здесь уже от французов имею заказы. Значит, разве на будущий год увижу Вами заказанные места- и тогда же (нрб.) сделать две картины для Вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.